

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

**«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

Яковлева Мария Александровна

**КОМПЕНСАЦИЯ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ
СТИЛИСТИЧЕСКИ СНИЖЕННЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ТЕКСТА**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель –
кандидат филологических наук,
доцент В. К. Ланчиков

Москва – 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	C.4
ГЛАВА 1. СТИЛИСТИЧЕСКИ СНИЖЕННЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	C.9
1.1. Понятие стилистически сниженных высказываний.....	C.9
1.2. Понятие территориальных и социальных диалектов и их реализация в художественной литературе.....	C.13
1.2.1. Нелитературные разновидности языка.....	C.13
1.2.2. Понятие территориальных диалектов и их реализация в художественной литературе.....	C.17
1.2.3. Понятие социальных диалектов и их реализация в художественной литературе.....	C.20
1.2.4. Понятие литературно-разговорной речи и ее реализация в художественной литературе.....	C.34
1.3. Компенсация как один из приемов достижения адекватности при передаче стилистически сниженных высказываний.....	C.42
1.3.1. Категория адекватности.....	C.42
1.3.2. О понятии компенсации в переводе.....	C.46
1.3.3. Применение приема компенсации при передаче стилистически сниженных высказываний.....	C.55
ВЫВОДЫ	C.57
ГЛАВА 2. СТРАТЕГИИ КОМПЕНСАЦИИ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ СТИЛИСТИЧЕСКИ СНИЖЕННЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ	C.59
2.1.1. Стратегии компенсации при передаче территориальных диалектов в переводе.....	C.59
2.1.2. Анализ рассказа Э. А. По “Why the Little Frenchman Wears His Hand in a Sling” и его перевода, выполненного И. Бернштейн.....	C.67

2.1.3. Анализ романа Д. Г. Лоуренса “Lady Chatterley’s Lover” и его переводов, выполненных И. Багровым и М. Литвиновой, В. Чухно и Т. Лещенко-Сухомлиной.....	C.74
2.1.4. Иные стратегии компенсации при передаче территориального диалекта в переводе.....	C.87
2.2. Стратегии компенсации при передаче социальных диалектов в переводе	C.90
2.2.1. Негритянская речь как этносоциальный диалект.....	C.90
2.2.2. Анализ рассказов О. Генри «A Municipal Report», «Jeff Peters as a Personal Magnet», а также «Thimble, Thimble» и их переводов, выполненных И. Кашкиным, К. Чуковским и С. Лихачевой.....	C.94
2.2.3. Анализ фрагментов романа М. Твена “The Adventures of Huckleberry Finn” и их переводов, выполненных Н. Дарузес и В. Ранцовым.....	C.100
ВЫВОДЫ	C.108
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	C.111
БИБЛИОГРАФИЯ	C.114
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ	C.128
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ	C.129

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено проблеме передачи стилистически сниженных высказываний. Проблема передачи такого рода высказываний так или иначе затрагивалась всеми ведущими теоретиками перевода: о ней писали Я. И. Рецкер, А. В. Федоров, Л. С. Бархударов, А. Д. Швейцер, В. Н. Комиссаров и другие. Однако обычно более или менее подробно рассматривался только один языковой уровень – лексический; остальные уровни – фонологический, морфологический, синтаксический – если и упоминались, то вскользь. Кроме того, описывались методы передачи в переводе таких видов стилистически сниженных высказываний, единицы которых относятся к лексическому просторечию, и практически не затрагивался вопрос проблемы передачи стилистически сниженных высказываний, единицы которых относятся к территориальным и социальным диалектам, подпадающим, как и просторечие, под понятие языкового субстандарта. Острота этой проблемы связана с тем, что, безусловно, как территориальные, так и социальные диалекты остаются чрезвычайно востребованными пластами в речи людей. Хотя диалекты преимущественно существуют в устной форме, они могут реализовываться и в письменной речи, особенно в художественной литературе. Для достижения в тексте перевода коммуникативного эффекта, производимого текстом оригинала, переводчик обязан воспроизвести все нюансы речи героев. Последнее, безусловно, является одной из основных задач при переводе любого литературного произведения.

В свете всего вышеизложенного нами было принято решение перевести рассмотрение вопроса о передаче особенностей стилистически сниженных высказываний средствами иного языка в план проблематики перевода языковых единиц диалектного происхождения. Кроме того, мы сочли целесообразным рассмотреть только один вид социальных диалектов в английском языке, а именно негритянский диалект, весьма частотный в художественной литературе и поэтому представляющий интерес для

изучения в рамках переводоведения. Также необходимо отметить, что проблема передачи некоторых других видов социальных (в частности, профессиональных) диалектов также становилась предметом рассмотрения ряда авторов, поэтому мы, во избежание повторов, только упоминаем ее, но не описываем подробно.

Целью данного диссертационного исследования является теоретическое обоснование применения приема компенсации как оптимального метода передачи стилистически сниженных высказываний, единицы которых относятся к территориальным и социальным диалектам.

В качестве **объекта** исследования выступают территориальные диалекты английского языка и негритянский диалект как пример этносоциального диалекта, встречающиеся в художественной литературе.

Предметом исследования является прием компенсации при передаче стилистически сниженных высказываний, единицы которых относятся к территориальным и социальным диалектам.

Для достижения поставленной цели в диссертационном исследовании предполагается решение следующих **задач**:

1. Раскрыть и дать собственное определение понятия «стилистически сниженные высказывания».
2. Проанализировать метод компенсации как один из приемов достижения адекватности при передаче стилистически сниженных высказываний, дать собственное определение данного приема.
3. Выявить и описать основные виды и способы компенсации.
4. Проанализировать разные переводческие стратегии при переводе текстов, содержащих территориальные и социальные диалекты, по следующим схемам: оригинал – перевод, оригинал – несколько переводов, выполненных разными переводчиками.

Методология исследования строится на основе положений теории перевода, разработанных, в частности, Я. И. Рецкером, А. В. Федоровым, Л. С. Бархударовым, В. Н. Комисаровым, теории прагматической

эквивалентности и теории межкультурной коммуникации. **Методами исследования** являются сопоставительный анализ оригинала и перевода и компонентный анализ.

Материалом исследования послужили фрагменты следующих произведений художественной литературы и их переводы на русский язык: E. Poe “Why the Little Frenchman Wears His Hand in a Sling” и перевод этого рассказа, выполненный И. Бернштейн; D. H. Lawrence “Lady Chatterley's Lover” и три перевода этого романа, выполненные И. Багровым и М. Литвиновой, В. Чухно и Т. Лещенко-Сухомлиной; О’Henry “Jeff Peters as a Personal Magnet” и перевод этого рассказа, выполненный К. Чуковским; О’Henry “A Municipal Report” и перевод этого рассказа, выполненный И. Кашкиным; О’Henry “Thimble, Thimble” и перевод этого рассказа, выполненный С. Лихачевой; M. Twain “The adventures of Huckleberry Finn” и два перевода этого романа, выполненные Н. Дарузес и В. Ранцовым. Кроме того, мы анализируем два перевода фрагмента романа Т. Шарпа (T. Sharpe) «Альтернатива Уилта», выполненные В. Гусевым и А. Сафроновым. Выбор данных произведений был определен тем, что герои говорят в них либо на территориальном (рассказ Э. По и роман Д. Г. Лоуренса, а также роман Т. Шарпа), либо на этносоциальном (рассказы О. Генри, роман М. Твена) диалекте.

Актуальность работы заключается в том, что возможности применения приема компенсации для передачи в переводе функций стилистически сниженных высказываний, а, применительно к нашей работе – высказываний, единицы которых относятся к территориальным и социальным диалектам, не получили достаточного освещения в переводоведческой литературе. Кроме того, в работах, посвященных изучению этого вопроса, упор чаще всего делается на стилистически сниженную лексику, т. е. авторами рассматриваются единицы лексико-фразеологического уровня; в нашем же исследовании мы рассматриваем самые разные стилистически сниженные средства на различных языковых

уровнях, в том числе фонологическом, морфологическом и синтаксическом.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые предпринимается комплексное исследование приема компенсации при передаче территориальных и социальных диалектов на различных уровнях текста. Кроме того, предлагается классификация видов компенсации, и рассматриваются возможности, предоставляемые их взаимодействием, для достижения адекватности перевода.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что полученные конкретные выводы дают основания для уточнения некоторых положений теории перевода, касающихся проблемы передачи в переводе особенностей территориальных и социальных диалектов.

Практическая ценность данного диссертационного исследования заключается в том, что полученные выводы могут быть использованы переводчиками-практиками в своей работе и им может быть найдено применение при обучении студентов на практических занятиях по переводу и при оценке качества выполненных переводов. Также данная работа представляет интерес и для практической сопоставительной стилистики.

Цели и задачи исследования, его логика обусловили **структуру диссертации**. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, списка лексикографических источников и списка литературных источников.

Во *введении* обосновывается актуальность исследования, определяются его объект, предмет, цель и задачи, раскрываются научная новизна, теоретическая значимость, практическая ценность, указываются используемые методы исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

В *первой главе*, «Стилистически сниженные высказывания как переводоведческая проблема», предлагается наша трактовка понятия «стилистически сниженные высказывания». Кроме того, подробно анализируются понятия территориальных и социальных диалектов,

рассматриваемых нами как стилистически сниженные пласты языка, и их реализация в художественной литературе. Также в этой главе подробно описывается прием компенсации как один из приемов достижения адекватности при передаче стилистически сниженных высказываний и предлагается разработанная нами классификация этого приема, дополняющая и расширяющая уже существующие классификации.

Во *второй главе*, «Стратегии компенсации при передаче некоторых видов стилистически сниженных высказываний», на материале фрагментов произведений художественной литературы (оригиналов и переводов) анализируются стратегии компенсации при передаче территориальных и социальных диалектов.

В *заключении* обобщаются результаты исследования, а также отображены важнейшие практические рекомендации.

В результате проведенного исследования на защиту выносятся следующие положения:

1. Высказывания, единицы которых принадлежат диалекту (как территориальному, так и социальному), могут быть отнесены к стилистически сниженным.
2. Прием компенсации, понимаемый нами как способ перевода, при котором элементы смысла, прагматические значения, а также стилистические нюансы, тождественная передача которых невозможна, а, следовательно, утрачиваемые при переводе, передаются в тексте перевода каким-либо иным средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале, является оптимальным и наиболее частотным приемом при передаче территориальных и социальных диалектов. Компенсация может быть как горизонтальной, так и вертикальной.
3. Необходимый стилистический эффект при передаче территориальных и социальных диалектов в переводе создается регулярным, а не разовым употреблением самых разных стилистически сниженных высказываний на самых разных уровнях текста.

ГЛАВА 1

Стилистически сниженные высказывания как переводоведческая проблема

1.1. Понятие стилистически сниженных высказываний

Вопрос определения понятия стилистической сниженности достаточно сложен. Так, по мнению В. В. Сдобникова, сниженность «давно уже принимается лингвистами как нечто само собой разумеющееся, существующее объективно и присущее единицам разных уровней. По этой причине до сих пор не дано удовлетворительного определения сниженности. Более того, не определены механизм ее возникновения, средства, вызывающие сниженность, т. е. не дан ответ на вопрос, что заставляет нас рассматривать то или иное языковое средство как сниженное» (В. В. Сдобников, 1992: 19). Одно из определений этого понятия было дано, например, Т. М. Беляевой и В. А. Хомяковым, которые полагают, что этико-стилистическая сниженность – «это эмфаза (эмоциональная, оценочная, экспрессивная или аффективная), употребляемая в речи для создания определенного стилистического эффекта» (Т. М. Беляева, В. А. Хомяков, 1985: 19). Мы, как и В. В. Сдобников, полагаем, что такое определение нельзя признать вполне удовлетворительным, т. к. не только сниженные средства могут создавать любого рода эмфазу и, соответственно, не одни лишь стилистически сниженные единицы могут использоваться для создания стилистического эффекта. В. В. Сдобников предлагает свое определение понятия «сниженность», а именно: «сниженность есть соотношение языковых средств с ситуациями общения, имеющими минимальную социальную значимость, соотнесенность, коллективно принятая и коллективно осознанная (конечно, с учетом социолингвистической дифференциации носителей языка). Стилистически сниженные единицы – это те языковые средства, которые закреплены за сферой непринужденного

общения, за неофициальными ситуациями» (В. В. Сдобников, 1992: 19, 22). Мы можем лишь отчасти разделить данную точку зрения, так как носители языка (это отмечает и сам В. В. Сдобников) могут использовать, например, диалект (проблема диалектов, как территориальных, так и социальных, и их принадлежности к стилистически сниженным языковым пластам будет рассмотрена ниже) в разных ситуациях, независимо от степени их официальности. Часто причина этого кроется в том, что такие носители языка в силу недостаточного освоения его литературной формы не владеют другими формами речи. Таким образом, мы рассматриваем сниженность как понятие, неразрывно связанное с понятием литературной нормы. Заметим, что некоторые исследователи (например, О. А. Лаптева) полагают, что «менее “продвинутыми” в языковом отношении говорящими употребляются почти исключительно нейтральные речевые средства, в то время как лица с более развитым чутьем языка (обе эти языковые характеристики совсем не обязательно должны совпадать с более или менее высоким образовательным уровнем) охотно используют сниженные речевые средства – даже и просторечные – с целью разнообразить речь и достичь нужного стилистического эффекта. [...] Чем выше общий культурный уровень говорящего, тем лучше чувствует он собственно стилистические возможности разговорной нормы» (О. А. Лаптева, 2003: 73). Нам, тем не менее, ближе точка зрения, согласно которой сниженные средства преимущественно используются менее образованными носителями языка.

Как и В. В. Сдобников, мы считаем, что также следует учитывать социальную иерархию тех, кто употребляет в своей речи стилистически сниженные единицы. По мнению некоторых исследователей, стилистически сниженные слова (принимая во внимание тему нашего исследования, и высказывания) именно потому являются сниженными, что они часто используются в речи людьми с низким социальным статусом, в определенных социальных группах. Об этом, например, пишут А. Уорд и Ю. Найда (Waard, Nida, 1986: 147).

С языковой точки зрения, стилистически сниженные высказывания – явление многоплановое. Можно говорить о сниженности на разных уровнях языка, однако чаще всего исследователи говорят о лексике, она, по их мнению, становится основным признаком социальной маркированности.

Прежде чем дать собственное определение понятию «стилистически сниженные высказывания», считаем необходимым привести определение языкового стандарта. Языковой стандарт есть «образцовый, нормализованный язык, нормы которого воспринимаются как «правильные» и общеобязательные и который противопоставляется диалектам и просторечию» (СЛТ, 1966: 532). В приведенном толковании понятие «языковой стандарт» совпадает с понятием литературный язык как одной из форм существования национального языка. Основными характеристиками языкового стандарта традиционно считаются: 1) обработанность; 2) устная и письменная реализация (при обязательной письменной фиксации); 3) общепонятность; 4) всеупотребительность; 5) стилистическая дифференциация средств выражения; 6) нормативность; 7) кодифицированность (Ю. А. Бельчиков, 1979; Ф. П. Филин, 1981: 176).

Стилистически сниженные высказывания находятся в оппозиции к стандарту, или норме данного языка, и включают элементы субстандарта, который мы понимаем, как и А. М. Винокуров. Согласно его точке зрения, термин «субстандартный» применяется «для обозначения фонетически и грамматически ненормативной, неправильной и отклоняющейся от литературного стандарта с его высоким социальным престижем речи малообразованных людей» (А. М. Винокуров, 1988: 11). Исходя из такого определения понятия «субстандартный», можно сделать вывод, что стилистически сниженные высказывания состоят из единиц, относящихся к различным уровням языка.

Существуют разные классификации языковых уровней. Например, выделяют фонемный, морфемный, лексический (словесный), синтаксический (уровень предложения) (ЛЭС, 1990: 539). К. Джеймс выделяет уровни

фонологии, лексики, морфологии и синтаксиса (К. Джеймс, 1989: 231-232). Мы в нашем исследовании будем придерживаться этой классификации, но в несколько расширенном виде. Так, мы полагаем, что целесообразнее назвать лексический уровень лексико-фразеологическим, так как фразеология, как и лексикология, является самостоятельным разделом языкознания, в то же время близким последней.

Из определения А. М. Винокурова вытекает, что стилистически сниженные высказывания состоят из единиц, относящихся к фонологическому, морфологическому и синтаксическому уровням языка. Мы расширим этот вывод и, учитывая то предлагаемое нами деление на языковые уровни, уточним, что такие высказывания состоят, в том числе, из единиц, относящихся к лексико-фразеологическому уровню.

Стилистически сниженные высказывания относятся к так называемому низкому стилю. Низкий (или сниженный) стиль, в свою очередь, противопоставляется высокому (или возвышенному) и среднему (или нейтральному) стилям. Данная классификация трех стилей приводится нами в соответствии с теорией трех стилей, идущей еще от М. В. Ломоносова (О. С. Ахманова, 1966: 456). Что касается единиц, входящих в такие высказывания, то, согласно данной теории, они, будучи «закрепленными за различными видами “сниженной” речи» противопоставляются, в частности, единицам, «закрепленным за различными видами “возвышенной” речи» (там же).

С учетом всего вышеизложенного мы предлагаем следующее определение стилистически сниженных высказываний: **стилистически сниженные высказывания – это такие высказывания, единицы которых или синтаксическое построение единиц которых не соответствуют норме данного языка, иначе говоря, его стандарту, и относятся к языковому субстандарту.** При этом в трактовке понятия высказывания мы придерживаемся содержательного подхода. В соответствии с таким подходом отличие высказывания от предложения состоит в том, что оно,

дополняя и совпадая со структурно-семантической схемой предложения, включает модально-коммуникативный аспект, прежде всего проявляющийся в интонации и актуальном членении предложения.

Как уже было отмечено, стандарт противопоставляется диалектам и просторечию, и если вопрос передачи просторечия в переводе не раз затрагивался переводоведами (С. Влахов, С. Флорин, 1986; В. Д. Девкин, 1979; В. Н. Комиссаров, 2000; А. В. Федоров, 1983; и др.), то проблема передачи диалектов не получила достаточно подробного освещения.

Итак, в нашем исследовании мы рассмотрим только один вид стилистически сниженных высказываний, а именно: высказывания, единицы которых относятся к диалектам (как территориальным, так и социальным), в связи с чем представляется целесообразным проанализировать само понятие «диалект».

1.2. Понятие территориальных и социальных диалектов и их реализация в художественной литературе

1.2.1. Нелитературные разновидности языка

Национальный язык многослоен, он имеет не только территориальные различия, но и варьируется в социальном плане. Кроме литературного языка, в нем существуют другие, нелитературные разновидности – территориальные диалекты, в том числе местные говоры (иногда их приравнивают к территориальным диалектам, а иногда, как например В. Д. Бондалетов, так называют наименьшую территориальную разновидность языка), наречия (совокупность более или менее однородных говоров), группы говоров (существующие внутри наречий, характеризующиеся большим единством) и диалектные зоны (выделяющиеся пучком изоглосс отдельных языковых явлений), социальные диалекты, нелитературное просторечие и некоторые другие (В. Д. Бондалетов, 1987). Важно подчеркнуть, что ни наречия, ни

группы говоров, ни диалектные зоны не считаются формами существования языка; самодостаточной, реально функционирующей системой является диалект и его самая мелкая разновидность – говор.

Анализируя понятие диалекта, нельзя не упомянуть интердиалекты, являющиеся «языковым образованием, используемым представителями одной и той же диалектной группы (или нескольких диалектных групп) в процессе коммуникации» (И. Рипка, 1980: 256). Соотношение понятий «диалект» и «интердиалект» определить достаточно сложно, так как в данном случае представлены две фазы развития диалекта. Необходимо установить, обладает ли это новое, диалектное в своей основе образование новыми признаками, отсутствующими в территориальных диалектах, «возникло ли оно в результате смешения ряда признаков иерархически более низких территориальных диалектов или же признаки одного диалекта, занимающего доминирующее (центральное) положение, были перенесены в речевые акты, осуществляющиеся в повседневной коммуникации» (там же). Устойчивой формы интердиалектов не существует, но образуются они на диалектной основе, и именно поэтому нельзя трактовать их как внедиалектные или наддиалектные образования.

В определении понятия диалекта в целом мы полностью разделяем точку зрения М. М. Маковского, согласно которой, это «территориальная, временная или социальная разновидность языка, употребляемая более или менее ограниченным числом людей и отличающаяся по своему строю (фонетике, грамматике, лексемному составу и семантике) от языка стандарта, который сам является социально наиболее престижным диалектом» (М. М. Маковский, 1982: 7). Кроме того, диалект – это «комплексная лингвистическая, социологическая и историческая категория» (И. Рипка, 1980: 253).

Одно из определений стандарта было приведено нами выше и в нем, в частности, говорилось о том, что это «нормализованный язык». Тем не менее, помимо литературной нормы языка существует ряд других норм: норма

диалекта, норма просторечия и т. п. (М. М. Маковский, 1982; В. А. Хомяков, 1986; R. Quirk, 1972). Т. М. Беляева и В. А. Хомяков пишут: «[...] С точки зрения современной социолингвистики, nonstandard English так же логичен и избирателен, как standard English и является нормой» (Т. М. Беляева, В. А. Хомяков, 1985: 17). По мнению И. Рипки, территориальные диалекты имеют свою «идеальную норму» (И. Рипка, 1980: 255). Л. Соудек отмечает (на материале английского языка), что, например, диалектизмы могут относиться как к субстандарту, так и к стандарту. «Часть подобной лексики некоторое время колеблется между уровнями и в конце концов примыкает к одному из них или выходит из употребления» (L. Soudek, 1967: 18). Мы разделяем существующее мнение, что если «согласиться с аргументацией Соудека, то территориальные диалекты из разновидности языка, обладающей относительным единством системы на разных уровнях, превращаются в случайный набор языковых средств» (В. К. Ланчиков, 1992: 13). В нашем исследовании мы придерживаемся позиции А. М. Винокурова (1988: 13), который относит социальные и территориальные диалекты исключительно к субстандарту. Не все лингвисты разделяют такой взгляд. Так, Я. Горецкий (1988) и И. Рипка (1988) рассматривают диалект как самостоятельное языковое единство, но, в отличие от А. М. Винокурова, разграничивают субстандарт и диалект.

Таким образом, мы полагаем, что к субстандарту относятся не только слои, характеризующиеся стилистической сниженностью, эмоциональной окрашенностью, оценочностью и включающие в себя социально-профессиональное и экспрессивное просторечие (такова трактовка субстандarta, например, в работах Т. М. Беляевой, В. А. Хомякова, 1985; Социальная и функциональная дифференциация языков, 1977: 6), но и территориальные и социальные диалекты.

Анализируя нелитературные разновидности языка, к которым, как указывалось выше, относятся территориальные, социальные диалекты, а также нелитературное просторечие, ниже более подробно мы остановимся на

двух первых, в связи с тем, что именно они находятся в центре нашего исследования.

Тем не менее, считаем необходимым вкратце рассмотреть и понятие нелитературного просторечия (в некоторых работах «внелитературное просторечие»), в связи с тем, что оно также будет фигурировать в нашем исследовании. Мы полагаем, эта разновидность языка неразрывно связана с диалектами, так как носители языка, говорящие на диалекте (территориальном или социальном), широко употребляют просторечие в своей речи. Соответственно «вхождение» диалекта в художественное произведение (этот процесс также будет рассмотрен ниже) в подавляющем большинстве случаев тесно переплетено с «вхождением» в него и просторечия.

К нелитературному просторечию, как пишет В. Д. Бондалетов, относятся «общенародные (не диалектные) средства речи, оставшиеся вне литературного языка» (В. Д. Бондалетов, 1987: 55). Он же называет пять признаков просторечия: 1) ненормированность речи; 2) стилистическая недифференцированность; 3) факультативность употребления; 4) бесписьменность; 5) функциональная «монотонность» единиц, распространенность полных синонимов (дублетов). Ф. П. Филин относит к нелитературному просторечию «элементы речи лиц, не вполне овладевших литературным языком или вовсе малограмотных» (Ф. П. Филин, 1981: 31). Однако заметим, что такие элементы могут встречаться и в речи вполне грамотных носителей языка в качестве стилистического приема. По мнению О. А. Лаптевой, наиболее очевидными характеристиками современного просторечия являются три – «оно свидетельствует о невысоком уровне говорящего и в связи с этим осознается обществом как ненормативное и даже антинормативное; сфера его употребления крайне сужена» (О. А. Лаптева, 2003: 81).

Фактически все вышеперечисленные характеристики просторечия могут быть отнесены и к диалектам, однако между этими разновидностями

языка есть существенное различие: просторечие в отличие от территориальных и социальных диалектов – «общепонятная для носителей языка речь» (ЛЭС, 1990: 402).

Итак, рассмотрим понятия территориальных и социальных диалектов.

1.2.2. Понятие территориальных диалектов и их реализация в художественной литературе

В. Д. Бондалетов указывает, что территориальные диалекты – одна из самых распространенных форм существования языка: «Если признать, что в настоящее время на нашей планете насчитывается около 3000 языков и из них лишь 300 имеют письменность, то есть являются безусловно литературными, то окажется, что остальные 2700 языков существуют в виде бесписьменных диалектов» (В. Д. Бондалетов, 1987: 61). Кроме того, необходимо учесть, что литературно-письменные языки – не единственная форма существования языков наций и народностей, многим из них свойственны территориальные разновидности (там же). Многие исследователи полагают, что территориальные диалекты и литературный язык, как относительно стабильные структурные формы, являются разновидностями национального языка, находящимися на разных полюсах, и, соответственно противопоставляются друг другу.

Л. П. Крысин перечисляет следующие особенности территориальных диалектов: «1) социальная и возрастная ограниченность круга носителей «чистого» диалекта; 2) ограничение сферы использования диалекта семейными и бытовыми ситуациями; 3) образование полудиалектов как результат взаимодействия и взаимовлияния различных говоров и связанная с этим перестройка отношений между элементами диалектных систем; 4) социальное и ситуативно-стилистическое варьирование диалектных средств; 5) негативная оценка носителями диалекта их собственной речи и сознательная ориентация на литературную норму» (Л. П. Крысин, 2003: 52).

Однако, на наш взгляд, последняя особенность может относиться только к образованным носителям диалекта, так как вряд ли человек, плохо знакомый с литературной нормой, будет негативно оценивать свою речь.

С точки зрения В. Д. Бондалетова, которую мы полностью разделяем, данная форма существования языка обладает следующими особенностями: «а) территориальная ограниченность; б) неполнота общественных функций и как следствие этого – незначительное стилевое разнообразие, в частности наличие стилей, связанных лишь с разговорной формой реализации языка (диалекту как бесписьменной форме несвойственны такие книжные функциональные стили, как официально-деловой, научный, публицистический и др.); в) закреплённость за бытовой и обиходно-производственной сферой общения; г) определенная, исторически обусловленная социальная сфера распространения – среди крестьян и близких к ним социальных групп; д) отсутствие отбора и регламентации языковых средств (существование нормы в виде узуса, а не кодифицированных правил); е) структурная подчиненность диалекта высшим формам существования языка, в частности литературному языку» (В. Д. Бондалетов, 1987: 62).

Как было указано выше, территориальный диалект является бесписьменной формой и, как правило, реализуется в устной речи, однако встречается он и в письменной речи, а именно в художественной литературе. Однако употребление диалекта в художественной литературе ограничено в том смысле, что диалект входит в текст лишь в том виде, в каком это необходимо для осуществления авторского замысла, т. е. подвергается обработке. «[...] Писателем управляют незримые, но определенные закономерности превращения устного факта в письменный. Очень показательны, что эти закономерности обнаруживают достаточно общий характер, и их варьирование в зависимости от индивидуальности художника касается в основном не возможностей вовлечения в письменный текст новых фактов, но скорее предпочтительного вовлечения тех или иных фактов из

уже отстоявшегося набора допустимых. С другой стороны, писатель может в целях стилизации под устно-разговорную речь использовать и такие языковые средства, которые в своей совокупности в устно-разговорной речи реально не выступают, но предпочтительно употребляется одно или несколько из них. Таким образом, писательский язык оказывается более оснащенным» (О. А. Лаптева, 2003: 65).

Процесс такой обработки неразрывно связан с поиском писателем точного, по его мнению, изобразительного средства. Поиск определяется функциями, выполняемыми территориальным диалектом в конкретном произведении. На наш взгляд, можно выделить три таких функции:

1) функция этнографическая, выполняемая в тех случаях, когда автор хочет максимально достоверно передать речевые особенности героев, проживающих в определенной местности;

2) функция создания социально-культурной характеристики;

3) функция идеологическая, или символическая, выполняемая в тех случаях, когда автор сообщает образу и речи героя особые «идеологические» черты, отвечающие особой «идеологической» (философской) установке автора.

Функция создания социально-культурной характеристики присутствует всегда и везде, где используется диалектная стилизация речи героя, однако в зависимости от характера произведения она может дополняться либо этнографической, либо идеологической функцией.

И. Б. Голуб пишет о том, что диалектная лексика в художественном произведении «может быть источником речевой экспрессии. [...] При определении эстетической ценности диалектизмов в художественной речи следует учитывать, какие слова выбирает автор. Исходя из требования доступности, понятности текста, обычно отмечают как доказательство мастерства писателя употребление таких диалектизмов, которые не требуют дополнительных разъяснений и понятны в контексте. Поэтому часто писатели условно отражают особенности местного говора, используя

несколько характерных диалектных слов» (И. Б. Голуб, 2003: 77-78). И. Б. Голуб, очевидно, имеет в виду территориальные диалекты, однако мы полагаем, что данное положение может быть отнесено и к диалектам социальным. Что касается территориальных диалектов, передавать их автор может по-разному: внедряя в текст различные диалектизмы – лексические, фонетические, морфологические, синтаксические. Понятно, что передать на письме фонетические диалектизмы можно только графически, изобразив все звуковые отклонения от литературной нормы при помощи письма. Об этом подробно пишут в своей книге Дж. Лич и М. Шорт (G. Leech, M. Short, 1981).

1.2.3. Понятие социальных диалектов и их реализация в художественной литературе

Термин «социальный диалект» употребляется то в очень широком, то в очень узком смысле. При широком понимании в категорию социальных диалектов включают все или почти все социально обусловленные разновидности языка, независимо от их структурно-языковых и функциональных особенностей, то есть социальный диалект – это «специфическая форма существования и функционирования языка, присущая некой социальной группе» (М. Я. Цвиллинг, 1986: 12); «инвариантная социально-маркированная подсистема языка», включающая в себя еще и «систему речевых средств определенной группы, детерминированных рядом страт, имеющих не только социальный, но и биологический и психологический характер» (Т. И. Ерофеева, 1995: 9); «лексически неоднородные, однако социально однопорядковые явления в речи представителей различных социальных групп» (Б. Л. Бойко, 1990: 99); «язык определенных социальных групп», а также «варианты общенародного языка, характерные для определенных экономических, кастовых и религиозных групп населения» (ЛЭС: 133). В то же время В. М. Жирмунский к числу социальных диалектов относил и территориальные диалекты (говоры

крестьян), и полудиалекты («язык городского мещанства»), и литературный язык (в его разговорной и письменной форме), считая их «социальными уровнями языка», в конечном счете восходящими к классовой дифференциации общества (В. М. Жирмунский, 1969: 23). Однако арго (в том значении, какое дает этому понятию В. Д. Бондалетов), по его мнению, «не является социальным диалектом в строгом смысле», так как оно развивается в рамках того или иного языка и диалекта как «лексика и фразеология специального назначения» (В. М. Жирмунский, 1969: 25). Такого же мнения о профессиональных языках, жаргонах и арго придерживается Б. А. Серебренников, называющий их не диалектами, а «социальными вариантами речи» или «речевыми стилями», так как «они не имеют специфической фонетической системы, специфического грамматического строя и существуют на базе обычного языка» (Б. А. Серебренников, 1970: 496). Ю. С. Степанов понимает термин «социальный диалект» узко, считая, что «к местным крестьянским диалектам близки социальные диалекты одного языка [...], иначе их называют “условными языками”» (Ю. С. Степанов, 1975: 198).

По мнению В. Д. Бондалетова, «общей чертой всех языковых образований, включаемых в категорию социальных диалектов, является ограниченность их социальной основы: они выступают средством общения, причем, как правило, дополнительным, отдельных социально-сословных, производственно-профессиональных, групповых и возрастных коллективов, а не всего народа (как литературный язык) и не всего населения региона (как территориальные диалекты)» (В. Д. Бондалетов, 1987: 68). Именно так понимаем социальный диалект и мы.

В. Д. Бондалетов предлагает классификацию некодифицированных вариантов социальной дифференциации языка. В зависимости от природы, назначения, языковых признаков и условий функционирования социальных диалектов он различает несколько основных их типов: 1) собственно профессиональные языки (лексические системы), напр., рыболовов,

охотников, гончаров и представителей других промыслов и занятий; 2) групповые, или корпоративные, жаргоны, напр., учащихся, студентов, спортсменов, солдат и других (преимущественно молодежных) коллективов; 3) условные языки (арго) ремесленников-отходников, торговцев и близких к ним социальных групп; 4) жаргон (арго) деклассированных (В. Д. Бондалетов, 1987: 69). Им разграничиваются условные языки и жаргоны деклассированных как два разных типа социальных диалектов, и первые рассматриваются как лексические системы, распространенные среди ремесленников-отходников, предназначенные для выполнения преимущественно конспиративной (эзотерической, криптофорной) функции. Основная же функция жаргона деклассированных – эмоционально-выразительная, но при этом жаргон может выполнять и конспиративную функцию. Лингвистические различия данных подсистем автор видит в «материально-понятийном составе лексики» (арго ремесленников охватывает все сферы их жизни, воровской словарь отличается специализацией), в преобладании в арго нейтральных слов, в воровском же жаргоне – эмоционально-экспрессивных, в способах словообразования и т. д.». К «промежуточным разновидностям социалектов» он относит профессиональные жаргоны, «совмещающие профессиональный “язык” и групповой жаргон». Под профессиональными «языками» при этом В. Д. Бондалетов понимает «дополнительные к основной форме существования языка (литературному языку, территориальному диалекту) лексические системы, свойственные представителям определенного занятия, промысла, а также профессии или отрасли производства» (В. Д. Бондалетов, 1987: 70).

Считаем целесообразным отдельно остановиться на таких видах социальных диалектов, как жаргон и арго, в связи с тем, что в лингвистической литературе эти понятия толкуются по-разному. По мнению Л. З. Подберезкиной, «лингвистическая традиция не располагает надлежащим инструментарием для изучения социальной дифференциации языка в аспекте различения языка и речи. Так, например, в лингвистическом

энциклопедическом словаре термины *диалект* и *арго* определяются как разновидности *языка*, а *жаргон* – как используемая преимущественно в устном общении разновидность *речи* [ЛЭС: 1990]. Как социальные варианты речи же рассматриваются групповые жаргоны в [Серебренников 1970; Бойко 1990; Ерофеева 1995] и др.» (Л. З. Подберезкина, 2006: 139) (выделение автора). Подобный подход, как полагает Л. З. Подберезкина, является результатом неразличения собственно социального и функционального уровней дифференциации.

Согласно определению В. Д. Бондалетова, жаргон – «это один из типов социальных диалектов языка, возникающий из потребности отдельных общественных и возрастных групп обособить себя и выделиться среди других средствами языка» (В. Д. Бондалетов, 2006: 47).

Арго подробно рассматривал в своих работах Б. А. Ларин. Отмечая в числе важнейших задач социальной диалектологии разработку языкового быта города, он указывал на то, что разговорные и письменные городские арго в своей цельности не совпадают ни с литературным языком, ни с деревенскими диалектами; кроме того, они своеобразны и по социальной основе и по чисто лингвистическим признакам (Б. А. Ларин, 1977: 178). Признавая арго самостоятельными языковыми системами, Б. А. Ларин (впрочем, как и Е. Д. Поливанов) отвергает мнение о том, что у арго наличествует своя фонетика, морфология, и отмечает, что принципиальных различий арго от литературных языков не существует, а есть лишь относительное, количественное различие. Если специальные профессиональные языки, по его мнению, есть не что иное, как специальная профессиональная терминология в литературных и других языках, то арго является «равноправным со всяким другим смешанным языком более или менее обособленного коллектива, притом всегда двуязычного» (Б. А. Ларин, 1977: 186). Таким образом, в концепции Б. А. Ларина городское арго – это самостоятельная целостная система, основная для какой-либо социальной

группы, имеющая всегда (в отличие от литературного языка и диалектов) параллельный языковой ряд, во многом совпадающий с первым.

В трактовке Л. П. Крысина жаргоны бывают двух типов: профессиональные и социальные (Л. П. Крысин, 2003). Л. П. Крысин полагает, что наряду с просторечием и территориальными диалектами профессиональные и групповые (или социальные) жаргоны представляют собой некодифицированные языковые подсистемы (Л. П. Крысин, 1989).

Другую концепцию арго – как определенного круга языковых явлений в составе социального диалекта – предлагает Л. В. Успенский. «Употребляя обозначение “специальный язык”, мы обычно произвольно ограничиваем его объем системой терминов, как бы санкционированных книжно-письменно-печатным употреблением той или другой профессии. В стороне при этом оказывается все то, что для данного языка является, так сказать, его просторечием, та менее устойчивая и более живая часть его лексического запаса, который существует исключительно в устной речи профессионалов и [...] может быть охарактеризован как “профессиональное арго”» (Л. В. Успенский, 1936: 163). Характеризуя профессиональный диалект русских летчиков, Л. В. Успенский отмечает, что критерием отличия всякого такого диалекта от «сложной грозди терминов» всегда является осознание его как обособленного языка. При этом Л. З. Подберезкина замечает, что, по мнению многих исследователей, «включение в состав профдиалекта наряду с профессиональным арго технической терминологии вряд ли можно считать целесообразным, так как само понятие “диалект” предполагает некодифицированные формы речи, т. е. вариант языка, существующий преимущественно в устной форме» (Л. З. Подберезкина, 2006: 141).

Д. С. Лихачев также разбирает лингвистическую сущность арго и, в частности, пишет: «При всей условности терминов арго, жаргон, slang, cant и других исследователи разных стран, эпох и направлений выделяют ими всегда однородную, определенную группу языковых явлений. Мы безошибочно можем выделить арготические слова и выражения в языке

самых разнообразных социальных групп: ремесленников, моряков, нищих, солдат, учащихся. Мы безошибочно отличим их от технических выражений, от терминов и никогда не назовем аргó специальный язык инженеров, ученых, техников, квалифицированных рабочих» (Д. С. Лихачев, 1964: 331).

В целом, диапазон семантического варьирования терминов аргó и жаргон в исследованиях отечественных лингвистов достаточно велик:

«1) особый язык некоторой социально ограниченной группы; подсистема национального языка (Б. А. Ларин; Л.П. Крысин; Э. Г. Туманян; М. Т. Дьячок; В. С. Елистратов, В. Б. Быков и др.)

2) речевая общность деклассированных и преступных элементов общества (В. Стратен; В. Д. Бондалетов, М. А. Грачев и др.);

3) определенная группа языковых явлений в составе языка социально ограниченной группы (Л. В. Успенский; Д. С. Лихачев; В. А. Хомяков и др.); совокупность стилистически сниженных элементов в языках определенных социальных групп (Н. К. Гарбовский; Л. И. Скворцов; Е. Г. Борисова и др.)» (Л. З. Подберезкина, 2006: 144).

Все эти концепции объединяет одно: лингвисты не проводят различия между понятиями аргó и жаргона и считают их взаимозаменяемыми.

Мы, в целом принимая обоснованность такой трактовки, все же считаем, что во избежание терминологической путаницы их следует дифференцировать, и предлагаем понимать понятие аргó в отличие от понятия жаргона более узко, т. е. как социальный диалект, используемый деклассированными элементами. Примерно так понимает его и В. А. Хомяков (В. А. Хомяков, 1974).

Вышеперечисленные авторы занимались проблемой социальных диалектов на примере русского языка, однако в английском языке, как известно, существует несколько другая классификация.

Подробно вопросом социальных диалектов английского языка занимался М. М. Маковский, понимавший социальные диалекты как «варианты (разновидности) языка, которыми пользуется та или иная

общность или группа людей. Социальные диалекты включают в себя целый ряд генетически, функционально и структурно различных явлений» (М. М. Маковский, 1982: 8). К социальным диалектам исследователь относит профессиональные диалекты (разновидность социального диалекта, объединяющая людей одной профессии или одного рода занятий), жаргоны (арго) (диалекты, состоящие из более или менее произвольно выбираемых, видоизменяемых и сочетаемых элементов одного или нескольких естественных языков и применяемые (обычно в устном общении) отдельной социальной группой с целью языкового обособления, отделения от остальной части данной языковой общности, иногда в качестве тайных языков) и так называемый сленг» (там же). Если говорить о социальных вариантах речи, то все они, по его мнению, выполняют стилистические функции. При этом сленг занимает совершенно особое положение среди социальных диалектов в английском языке. Под это понятие нередко подводятся самые разнородные явления лексического и стилистического плана. М. М. Маковский справедливо замечает, что «стилистическое использование сленга связано с тем, что он невозможен в языке как изолированное образование [...] и неизменно сочетается с другими языковыми пластами, в частности с литературными» (М. М. Маковский, 1982: 19). Подробнее понятие сленга будет рассмотрено ниже.

Анализируя специальную литературу, посвященную сущности периферийных слоев лексики в современном английском языке, можно увидеть, что данные слои не получили однозначной интерпретации. Их называют и просторечием, и (в)нелитературной лексикой, и нестандартной лексикой, и субстандартом, и сленгом общим и специальным, и групповыми жаргонами, и жаргонами деклассированных элементов, и арго, и т. п.

По мнению Л. Блумфильда, «нелитературная форма языка может быть [...] разделена на просторечие – в какой-то мере понятную во всей стране, хотя и не единообразную, форму языка и местные диалекты [...] Она

различается топографически, хотя и не имеет существенных местных различий» (САЛТ, 1964: 152).

Согласно классификации составителей Краткого Оксфордского словаря (Shorter Oxford Dictionary) и уже упоминавшегося чешского англиста Л. Соудека, которая и нам в целом кажется достаточно полной, субстандарт включает грубовато-коллоквиальную лексику (низкие коллоквиализмы), общий сленг, жаргон, арг (кант), и вульгаризмы. Данная классификация приводится и А. М. Винокуровым, со ссылкой на вышеперечисленные работы (А. М. Винокуров, 1988).

Подробнее остановимся на понятии сленг. Существуют различные концепции его трактовки. Так, один из крупнейших исследователей сленга Э. Партридж определяет сленг как «бытующие в разговорной сфере весьма непрочные, неустойчивые, никак не кодифицированные, а часто и вовсе беспорядочные и случайные совокупности лексем, отражающие общественное сознание людей, принадлежащих к определенной социальной или профессиональной среде» (цит. по М. М. Маковскому, 1982). Сленг при этом рассматривается как сознательное, преднамеренное употребление элементов общелитературного словаря в разговорной речи в чисто стилистических целях (E. Partridge, 1979).

Существует и иное понимание сленга: как «чисто разговорного языка, который считается ниже стандарта речи образованных людей и состоит либо из новых слов, либо из общераспространенных, употребляемых в специальных значениях» и как «совокупность лексем, используемых группой лиц, принадлежащих к низшим слоям общества и пользующихся дурной репутацией» (М. М. Маковский, 1982: 10).

В отечественной англистике наиболее развернутое определение сленга было дано В. А. Хомяковым. Он трактует сленг как «особый периферийный лексический пласт, лежащий как вне пределов литературной разговорной речи, так и вне границ диалектов общенационального английского языка, включающий в себя, с одной стороны, слой специфической лексики и

фразеологии профессиональных говоров, социальных жаргонов и аргю преступного мира, и, с другой, слой широко распространенной и общепонятной эмоционально-экспрессивной лексики и фразеологии нелитературной речи» (В. А. Хомяков, 1971: 11).

А. Д. Швейцер пишет о том, что «в английской лексикографической традиции субстандартная разговорная речь, лишенная территориально-диалектной окраски и противопоставляемая письменному литературному языку, традиционно относится к категории «сленга», в котором различаются так называемый «общий сленг» (general slang) и «специальный сленг» (special slang). Первый входит в общеупотребительное просторечие, а второй включает профессиональные диалекты, групповые (корпоративные) жаргоны а также жаргоны (арго) деклассированных элементов общества» (А. Д. Швейцер, 1999: 29). Кроме того, «есть достаточные основания полагать, что сленг, одна из наиболее распространенных разновидностей субстандартной разговорной лексики, занимает особое место в языковой жизни носителей английского языка» (там же: 31).

И. Р. Гальперин в своем предисловии к Большому англо-русскому словарю достаточно подробно рассматривает понятие «сленг». Содержание этого термина представляется ему весьма расплывчатым. «Сленг существует только в английской лексикологии и лексикографии. Ни во французском, ни в немецком, ни в русском, ни в каком-либо другом языке, достигшем высокой ступени развития словарного состава, такого термина нет. В английской лексикографии под этим термином недифференцировано объединяются совершенно разнородные явления. Этой пометой отмечены и просторечные слова, и диалектизмы, и неологизмы, и жаргонизмы, и шуточные словообразования, и многое другое. Это не просторечие в чистом виде, характерным признаком которого является нелитературность слова, чаще всего искажение его звуковой или морфологической структуры» (И. Р. Гальперин, 1987: 17).

В современной русской лексикологии термин сленг существует и активно используется некоторыми лингвистами. Так, Л. А. Кудрявцева и В. А. Гордиенко выделяют данную категорию как «явление абсолютно новое, формирующееся, не имеющее общепринятого терминологического обозначения и целостной, непротиворечивой теории. [...] Общий сленг – это 1) относительно устойчивый для определенного периода, широкоупотребительный, стилистически маркированный (сниженный) пласт экспрессивно-эмотивной лексики, обозначающей бытовые явления, предметы, процессы и признаки; 2) не детерминированный социальными параметрами компонент городского просторечия, источником которого являются самые разнообразные социолекты (в наибольшей мере – молодежный сленг и уголовный жаргон); 3) неоднородный по степени приближения к литературному стандарту; 4) использующийся говорящими преимущественно для выражения своих чувств и оценок, связанных с предметом речи, а также в качестве элемента языковой игры. [...] Это образование на сегодняшний день выступает пограничной зоной в плоскости «просторечие – литературный язык» (Л. А. Кудрявцева, В. А. Гордиенко, 2006: 278-279). Вопрос русского сленга изучался и другими авторами (А. Т. Липатов, 2006; В. А. Саляев, 2002; и др.). Они рассматривают его как промежуточное звено между жаргонно-арготической сферой и общим просторечием, как особый лексико-фразеологический слой.

Также заметим, что некоторые лингвисты отказались от употребления термина «сленг»: «Под термином «сленг», первоначально обозначавшим жаргон, особенно воровской, сейчас часто объединяется все, что противопоставляется King's English, т. е. жесткой норме литературного языка, – диалектизмы, жаргонизмы, в том числе и профессиональные, вульгаризмы и другие обороты, стоящие вне этой нормы. Такое смешение понятий ведет к тому, что слово «сленг» перестает быть языковым термином» (А. В. Кунин, 1998: 9).

В работе, посвященной английскому экспрессивному просторечию, В. А. Хомяков также предлагает его подробную классификацию, выделяя как исходные понятия «низкие» коллоквиализмы, общие сленгизмы, кэнтизмы (арготизмы), жаргонизмы (профессиональные и корпоративные) и вульгаризмы, составляющие просторечный вокабуляр и давая им следующие определения:

низкие коллоквиализмы – «слой обиходно-бытовой лексики и фразеологии с общей экспрессией и основной коммуникативной функцией. Под термином общая экспрессия объединяется шутливо-ироническая и фамильярно-насмешливую экспрессию, качественно отличную как от пейоративной, так и вульгарной (непристойной)»;

общие сленгизмы – «пласт обиходно-бытовой лексики и фразеологии с пейоративной экспрессией и основной эмотивной функцией. Они широко распространены и понятны для всех социальных групп общества, имеют ярко выраженный эмоционально-оценочный характер»;

кэнтизмы (арготизмы) – «пласт эзотерической лексики и фразеологии с пейоративной экспрессией и резкостью оценки»;

профессиональные жаргонизмы – «пласт профессионально ограниченной лексики и фразеологии с общей экспрессией, употребляемый в сфере производственной деятельности»;

корпоративные жаргонизмы – «пласт социально или профессионально ограниченной лексики и фразеологии с пейоративной экспрессией, употребляемый вне сферы производственной деятельности»;

вульгаризмы – «пласт обиходно-бытовой лексики и фразеологии с вульгарной (непристойной) экспрессией и основной эмотивной функцией» (В. А. Хомяков, 1974: 3-4).

В своих работах В.А. Хомяков разделяет лексическое просторечие на две группы: собственно экспрессивное просторечие, включающее коллоквиализмы, сленгизмы и вульгаризмы, и социально-профессиональное

просторечие, представленное профессиональным и корпоративным жаргоном и арготизмами (там же).

Безусловно, английский литературный язык не стоит особняком по отношению ко всем вышеперечисленным явлениям субстандарта. «Он постоянно соприкасается и взаимодействует с ними. [...] Расширение его социальной базы за счет носителей других социально-коммуникативных систем (социальных и территориальных диалектов, региональных койне) приводит к процессам, сходным с теми, которые происходят при языковых контактах, – упрощению языковой системы, нейтрализации некоторых оппозиций за счет устранения элементов, специфичных для отдельных подсистем и т. п.» (А. Д. Швейцер, 1999: 43-44).

Очевидно, что во всех вышеперечисленных толкованиях социальных диалектов и их видов преимущественную роль в их дифференциации и лингвистической характеристике играет лексика. В связи с этим представляется интересным замечание Е. Д. Поливанова, который писал, что «это не есть всегда обязательный принцип в подходе к социально-групповым диалектам»: так, например, в социальной диалектологии английского языка можно построить дифференциацию только на фонетике, классификация же социально-групповых диалектов в русском языке, по его мнению, не может быть построена на фонетических признаках (Е. Д. Поливанов, 1968: 229).

Что касается проблемы использования социальных диалектов в художественной литературе, то, безусловно, положения, постулированные нами применительно к территориальным диалектам, могут относиться и к диалектам социальным. Они также употребляются в художественном тексте в обработанном виде, согласно авторскому замыслу, и выбор автора определяется в зависимости от того, какие функции выполняет тот или иной социальный диалект в конкретном произведении. Мы полагаем, что функции, осуществляемые в тексте социальными диалектами, совпадают с функциями, выполняемыми территориальными диалектами (оговоримся

лишь, что в случае с этнографической функцией по понятным причинам несколько меняется формулировка):

1) функция этнографическая, выполняемая в тех случаях, когда автор хочет максимально достоверно передать речевые особенности героев, относящихся к определенной социальной страте;

2) функция создания социально-культурной характеристики;

3) функция идеологическая, или символическая.

При этом функция создания социально-культурной характеристики, как и в случае с территориальными диалектами, присутствует всегда и везде и может дополняться двумя другими функциями.

Что касается отношения территориальных диалектов к социальным диалектам, то В. М. Жирмунский писал: «Традиционное деление диалектов на территориальные и социальные является мнимым... всякая территориальная диалектология в соответствии с самой языковой действительностью должна быть и диалектологией социальной» (В. М. Жирмунский, 1969: 23). В. Д. Бондалетов, напротив, полагает: «Деление диалектов на территориальные и социальные имеет реальные основания и в принципе не является «мнимым» (В. Д. Бондалетов, 1987: 65).

Мы придерживаемся второй точки зрения, при этом считаем, что все территориальные диалекты имеют определенную социальную маркированность, приобретенную ими следующим образом: исторически территориальные (локальные) диалекты феодального периода, служили средством общения для всех классов и сословий в пределах одного государства, позже, в так называемый национальный период, когда в качестве универсальной по охвату сфер человеческой деятельности и социально престижной формы общения употреблялся литературный язык, превосходивший каждую из местных разновидностей языка богатством ресурсов и их дифференцированностью в семантическом и стилистическом плане, диалекты стали языком малообразованной части населения. «Даже по сравнению с мещанскими городскими полудиалектами и просторечием

социальный престиж территориальных диалектов оказывается не в их пользу. [...] Традиционные территориальные диалекты теряют свое единство: они как бы расслаиваются (структурно и функционально) на несколько структурно-функциональных типов [...], каждый из которых имеет свой социальный субстрат (своих говороносителей) и свою сферу преимущественного использования [...]. И в этом смысле изучение территориальных диалектов не может не быть социолингвистическим, так как сам объект исследования территориально-социален» (В. Д. Бондалетов, 1987: 65-66). Об этом же пишет и Ф. П. Филин: «Строго говоря, термин “территориальный диалект” применим только к диалектам донациональной эпохи. В процессе становления нации территориальные диалекты превращаются в диалекты территориально-социальные» (Ф. П. Филин, 1962: 27). «Территориальные диалекты характеризуются социальной дифференциацией, т. к. присущи гомогенному/гетерогенному в социальном отношении языковому коллективу, который проживает на определенной территории; социальные диалекты имеют в то же время и территориальный характер» (А. М. Винокуров, 1988: 9).

Крайне важно отметить, что особенности территориальных диалектов, являющихся разновидностью языка, затрагивают весь языковой строй (фонетику, грамматику и лексико-семантическую сферу). Что же касается социальных диалектов (если говорить о социальных диалектах в чистом виде и не подразумевать этносоциальные диалекты), то их специфика отражена в основном на лексическом уровне, «поскольку именно здесь можно обнаружить значительную вариативность лексики, обусловленную общей тенденцией ослабления действия нормы в направлении от центра к периферии, в связи с чем состав социально различных слоев лексики отличается значительной проницаемостью» (А. М. Винокуров, 1988: 10).

1.2.4. Понятие литературно-разговорной речи и ее реализация в художественной литературе

Как мы уже отмечали выше, диалекты, как территориальные, так и социальные, как правило, реализуются в устной речи, но могут встречаться и в письменной, а именно в художественной литературе, ведь «как известно, художественная литература – это «вторая действительность» (пользуясь современной терминологией, можно сказать «виртуальная действительность»)» (Стилистика и литературное редактирование, 2005: 127). Язык художественной литературы – явление необычайно сложное. О. А. Лаптева пишет: «Художественная проза – это высшее проявление национального языка, в том смысле, что ее питают все представленные в нем источники. Для нее нет принципиальных запретов в обращении к любому из них – будь то диалектная, устно-разговорная, профессиональная, просторечная, жаргонная речь, письменные канцеляризмы и т. д., – и единственным мерилom служит чувство прекрасного и соразмерного, вкус и такт художника. Поэтому в принципе любое языковое средство, любое выразительно-изобразительное достижение общенационального языка, будучи переведенным в сферу письменно-литературного воплощения, может стать ее достоянием, а затем, при благоприятной судьбе, и достоянием общелитературного языка. Художественная литература – лаборатория формирования литературного языка в его целостности» (О. А. Лаптева, 2003: 63).

Совершенно очевидно, что в ситуации непринужденного общения герои литературных произведений используют в своей речи не только кодифицированный литературный язык и полностью соблюдают все его нормы, но и его литературно-разговорную разновидность, а также нелитературные разновидности национального языка. Герои же необразованные, представляющие низы общества (как в социальном, так и в

культурном плане), даже в официальной ситуации вряд ли будут говорить на литературном языке в чистом виде, не отступая от его нормы.

О. А. Лаптева отмечает, что «разговорный тип письменно-литературного языка – специфическое явление, сложившееся в пределах художественной литературы в связи с процессами ее демократизации и отражающее наряду с устно-разговорной разновидностью и просторечно-жаргонные, и профессиональные, и диалектные элементы. В этом смысле он шире устно-разговорной разновидности. Если отношения устно-разговорной разновидности и стиля сводятся к процессам взаимопроникновения (взаимодействия) или одностороннего проникновения и отталкивания, то отношения устно-разговорной разновидности литературного языка и разговорного типа письменно-литературного языка сводятся к процессам отражения первого во втором. Это качественно иные процессы» (О. А. Лаптева, 2003: 64).

О. А. Лаптева справедливо утверждает, что разговорный тип письменно-литературного языка и устно-разговорная разновидность отличаются друг от друга по крайней мере в двух отношениях: «1) не все средства устно-разговорной разновидности могут быть сохранены в письменно-литературной передаче и практически попадают в художественную литературу; 2) не все средства и приемы, находящие место и применение в разговорном типе письменно-литературного языка, восходят непосредственно к устно-разговорной разновидности – некоторые из них могут быть или своего рода собранием, сгущением разговорных черт, возможным благодаря обращению к письменно-литературной традиции, или результатом появления собственно литературного приема» (О. А. Лаптева, 2003: 72).

Представляется целесообразным несколько подробнее остановиться на понятии литературно-разговорной речи, которое мы уже упоминали. Обычно именно ее пытается имитировать автор, когда насыщает речь героев стилистически сниженными, в том числе диалектными, элементами.

Г. А. Орлов выделяет следующие структурно-лингвистические особенности литературно-разговорной речи: 1) «компрессия и избыточность (реализуемые в импликационных и экспликационных структурах»); 2) «стремление к стереотипу, шаблону речевых форм, использование «готовых речевых блоков», с одной стороны, и неограниченное стремление к речетворчеству, к постоянному обновлению инвентарных единиц, к использованию индивидуальных окказионализмов и инноваций – с другой»; 3) «явление хезитации, фальшстарты, сбивчивость структуры, «заполнители пустоты», самоперебивы и коррекция высказывания под влиянием обратной связи»; 4) «неравномерная индивидуализированная паузация»; 5) «неравномерность сжатия содержания высказывания»; 6) «особенности фонетико-просодического оформления и др.» (Г. А. Орлов, 1991: 77-78).

М. П. Брандес полагает, что лингвистическими признаками разговорной речи являются следующие: « – большая активность не книжных средств языка, в том числе употребление просторечных единиц;

– неполноструктурная оформленность языковых единиц на всех уровнях;

– употребительность языковых единиц конкретного значения на всех уровнях, хотя проявляется тенденция использования средств с отвлеченно-обобщенным значением;

– ослабленность синтаксических связей между частями предложения или их неформальность, невыраженность;

– обилие языковых средств субъективной оценки, оценочных и эмоционально-экспрессивных единиц всех уровней – от фонетического до синтаксического;

– наличие речевых стандартов и фразеологизмов разговорного характера;

– наличие окказионализмов;

– широкое использование личных местоимений и личных форм глагола» (М. П. Брандес, 2001: 95). Эти черты разговорной речи (или, в

трактовке Г. А. Орлова, литературно-разговорной речи) являются ее очень удачной характеристикой и в полном объеме отражают ее особенности.

Существует несколько трактовок понятия литературно-разговорной речи. Такие исследователи, как О. Б. Сиротинина, А. К. Панфилов, Т. Г. Винокур и др. полагают, что разговорная речь – это одна из основных функционально-стилистических разновидностей литературного языка (наряду с научной, деловой, публицистической и другой речью). Г. А. Орлов не разделяет данную точку зрения, так как полагает, что «литературно-разговорная речь» и «стиль» – явления разнопорядковые (Г. А. Орлов, 1991: 35-36). Мы также не согласны с подобной трактовкой понятия разговорной речи: стилям свойственна однородность, чего нельзя сказать о разговорной речи, в которой могут использоваться несколько разновидностей национального языка (и литературно-разговорный язык, и просторечие, и диалект, и говоры, и т. д.), а также различные элементы на всех уровнях языка (от фонетического до синтаксического).

Ф. П. Филин рассматривал литературно-разговорную речь как разговорно-бытовую разновидность литературного языка. Эту точку зрения разделяют не только многие отечественные, но и зарубежные лингвисты. Мы не можем согласиться с данным взглядом, так как полагаем, что в литературно-разговорной речи необязательно могут использоваться стилистически сниженные единицы, употребление которых характерно для обиходно-разговорной речи, то есть набор ее выразительных средств значительно богаче. Это позволяет «коммуникантам литературно-разговорной речи общаться на самые различные темы в рамках основных коммуникативных сфер, в то время как для обиходно-разговорной речи более типичными и наиболее естественными являются обиходно-бытовые разговоры. Этическое снижение обиходно-разговорной речи рельефно отражается не только на плане содержания, оно отчетливо прослеживается и в плане выражения (ограниченный набор лексических, главным образом, сниженных единиц, моносегментные синтаксические структуры, нарушение

грамматических норм [...], просторечная окрашенность просодических компонентов» (Г. А. Орлов, 1991:81). Тем не менее, мы, как и Г. А. Орлов считаем, что, несмотря на все вышеперечисленные различия литературно-разговорную речь объединяет с обиходно-разговорной речью то, что и та и другая выполняют фатическую (контактно-устанавливающую) функцию, и та и другая реализуются в непринужденной обстановке, обычно при непосредственном контакте участников коммуникативного акта, для той и другой наиболее естественной тематикой являются разговоры на обиходно-бытовые темы.

Е. А. Земская, М. В. Китайгородская и Е. Н. Ширяев отстаивают мнение, что литературно-разговорная речь – это особая («самодостаточная») языковая система, имеющая специфический набор единиц и специфические законы их функционирования. Эту систему они противопоставляют кодифицированному литературному языку. Ф. П. Филин принципиально не согласен с этим определением. Он полагает, что «попытки представить неподготовленную разговорную речь как особый язык со своей более или менее замкнутой системой, которые делают некоторые лингвисты, нельзя считать основательными. Базой любой разговорной речи лиц, говорящих на литературном языке, являются письменно закрепленные литературные нормы, отклонения от которых (эти отклонения, разумеется, существуют) представляют собой вторичные образования, вызванные условиями речевой ситуации. Русские эпохи нации имеют один, а не два литературных языка» (Ф. П. Филин, 1975: 4).

Свое определение разговорной речи дает Н. Ю. Шведова, по мнению которой «разговорная речь есть сам произносимый, звучащий язык, непосредственно обращенный к слушателю или слушателям, не подвергающийся предварительной обработке и не рассчитанный на фиксацию» (Н. Ю. Шведова, 2003: 3). На наш взгляд, данное определение не полно, так как в нем ничего не говорится о тех специфических единицах,

которые в ней присутствуют и отличают ее от кодифицированного литературного языка.

Большинство английских и американских лингвистов придерживаются общего мнения, что в современном английском языке существует разговорная разновидность. Однако взгляды на ее статус и, в частности, на ее отношение к Standard English расходятся. Лишь отдельные исследователи, например Д. Дейви, полагают, что литературно-разговорная речь является частью литературного языка. В свою очередь, известный лингвист М. Джус относит к литературно-разговорной речи лишь непринужденный стиль речи (casual style) и частично доверительный стиль (consultative), фактически отрицая возможность функционирования литературно-разговорной речи в таких выделяемых им коммуникативных сферах, как интимной (intimate), официальной (formal), протокольно-канцелярской (frozen). Многие, например Р. Кверк, М. Пей, Дж. Тернер, Д. Дейви, Д. Хаймс и др., исследуют отдельные аспекты и уровни литературно-разговорной речи английского языка, обращая особое внимание на разговорную лексику, специфику словообразования, на явные особенности грамматического и стилистического оформления, однако отсутствуют фундаментальные труды, которые освещали бы проблему литературно-разговорной речи в комплексе (Г. А. Орлов, 1991: 37).

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство лингвистов все-таки не проводят четкого разграничения между разговорной и литературно-разговорной речью и используют эти два понятия как взаимозаменяемые. Возможно, это связано с тем, что характеристики, даваемые ими разговорной речи, могут целиком и полностью относиться и к литературно-разговорной речи.

Выше мы уже упоминали, что территориальные и социальные диалекты при своем вхождении в художественный текст подвергаются обработке. То же, на наш взгляд, относится и к разговорной речи. «В художественном произведении разговорная речь “олитературируется” (В. В.

Виноградов), в нем в первую очередь используются те явления разговорной речи, которые связаны с ее стилистической экспрессией, выразительностью и на фоне нейтральных и книжных средств литературного языка маркированы как элементы сниженной стилистической окраски. Те явления разговорной речи, которые связаны прежде всего с устным характером ее осуществления, в язык художественной литературы попадают нечасто» (ЛЭС, 1990: 407-408).

Тем не менее, мы согласны с О. Б. Сиротининой, которая пишет, что «от живой разговорной речи стилизованная разговорная речь почти не отличается» (О. Б. Сиротинина, 2003: 23) и «стилизованная разговорная речь передает закономерности живой разговорной речи» (там же: 94).

Существует и иная точка зрения. По мнению Е. А. Земской, М. В. Китайгородской и Е. Н. Ширяева, в художественной литературе используется не разговорная речь, а сниженный стиль: «Разговорная речь – это естественное, наиболее обычное средство общения между носителями литературного языка в определенных экстралингвистических условиях (сфере непринужденного личного общения). Сниженный стиль – это набор красок. На сниженном стиле не говорят. Его единицы включаются в тексты кодифицированного литературного языка разного характера (художественную литературу, публицистику) как экспрессивные средства, для оживления, для придания тексту налета естественности, непринужденности, а также для имитации живой разговорной речи» (Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев, 1981: 53). Данный взгляд при всей своей обоснованности слишком категоричен, в художественной литературе речь все-таки может идти об имитации именно разговорной речи как системы, имеющей свою лексику, фразеологию и грамматику. Это же, на наш взгляд, имеет в виду А. Д. Швейцер, когда пишет более осторожно, чем Е. А. Земская и др., что «как правило (курсив наш – М. Я.) автор не воспроизводит натуралистически спонтанную речь с ее многочисленными отклонениями от языковых и логических правил. Речевые характеристики, в которых выявляется стратификационная и ситуативная вариативность речи

персонажей, обычно присутствуют в ней в виде отдельных маркеров (социальных, локальных, ролевых), характеризующих персонажей через особенности их языка» (А. Д. Швейцер, 1988: 160).

И. Р. Гальперин писал, что «стиль художественной речи представляет собой сложное единство разнородных черт, отличающих этот стиль от всех других стилей современного английского литературного языка. То обстоятельство, что этот стиль допускает использование элементов других стилей, хотя и обработанных соответственно общим, типическим чертам этого стиля, ставит его в несколько особое положение по отношению к другим речевым стилям. Более того, стиль художественной речи допускает использование таких элементов языка, которые на данном этапе развития литературной нормы языка недопустимы. Так, в языке художественных произведений современных английских писателей можно найти языковые факты, выходящие за нормы литературного языка, например, жаргонизмы, вульгаризмы, диалектизмы и т. д. Правда, и эти элементы в стиле художественной речи предстают в обработанном, типизированном, отобранном виде. Они не используются здесь в своем, так сказать, натуральном виде; такое использование нелитературных слов засоряло бы язык и не способствовало бы обогащению и развитию литературной нормы языка» (И. Р. Гальперин, 1958: 347-48). По мнению И. Р. Гальперина, основная функция стиля художественной речи — путем использования языковых и специфических стилистических средств способствовать реализации замысла автора и более глубокому раскрытию перед читателем внутренних причин условий существования, развития или отмирания того или иного факта этой действительности. Возникает вопрос: каковы средства стиля художественной речи, с помощью которых реализуется эта цель? Средства эти — «образно-эстетическая трансформация» общенародного языка» (И. Р. Гальперин, 1958: 348). И хотя работа И. Р. Гальперина посвящена английскому языку, безусловно, вышеперечисленные положения могут быть отнесены также и к русскому языку. Также нам представляется

важным замечание М. М. Бахтина, который полагал, что главной особенностью языка художественной литературы является то, что он «здесь не только средство коммуникации и выражения-изображения, но и объект изображения» (М. М. Бахтин, 1996: 289).

Итак, мы полностью разделяем мнение И. Р. Гальперина, М. М. Бахтина и других исследователей (чья точка зрения также приводилась выше) относительно того, что в художественный текст стилистически сниженные высказывания, в том числе высказывания, единицы которых относятся к территориальным и социальным диалектам, входят только в обработанном виде, согласно замыслу автора и в зависимости от тех функций, которые они, по его мнению, должны выполнять. Сделанный вывод важен не только для лингвистической теории, но и для теории перевода, так как переводчик учитывает данные факторы при передаче такого рода высказываний с ИЯ на ПЯ при выборе им стратегии перевода.

1.3. Компенсация как один из приемов достижения адекватности при передаче стилистически сниженных высказываний

1.3.1. Категория адекватности

Совершенно очевидно, что полного тождества между оригиналом и переводом достичь нельзя. «Оригинал остается единственным и неповторимым материальным результатом индивидуального творчества художника слова и частью национального словесного искусства. Перевод может быть лишь адекватным, относительно равнозначным оригиналу литературным произведением, может бесконечно сближаться с подлинником, но никогда не сольется с ним, ибо у перевода есть свой творец, свой языковой материал и своя жизнь в языковой, литературной и социальной среде, отличающейся от среды подлинника» (В. В. Виноградов, 1978: 8).

Переводчик воспринимает семантическую и эмоционально-экспрессивную информацию, заключенную в подлежащей переводу фразе, и воссоздает эту информацию в материальных единицах языка перевода, стремясь сохранить ее полный объем. Важно подчеркнуть, что он не подыскивает соответствия каждому слову и словосочетанию исходной фразы, а «перевыражает ее смысл» (там же: 28).

Переводчик, безусловно, не стремится к тождеству между оригиналом и переводом, но прикладывает максимум усилий, чтобы достичь адекватности, без которой невозможно достижения коммуникативного эффекта, схожего с коммуникативным эффектом текста оригинала, что является основной задачей переводчика.

Анализируя понятие «адекватность» необходимо указать, что в переводоведческих работах оно используется наряду с понятием «эквивалентность»: иногда в них вкладывается разное содержание, иногда они рассматриваются как синонимы. Заметим, что такие авторы, как Я. И. Рецкер и А. В. Федоров не рассматривают такое понятие, как «эквивалентность» перевода (Я. И. Рецкер трактует эквивалентность только как разновидность закономерных соответствий), а полагают синонимами понятия «адекватность» понятия «целостность» и «полноценность»: «Под «целостностью» перевода надо понимать единство формы и содержания на новой языковой основе. Если критерием точности перевода является тождество информации, сообщаемой на разных языках, то целостным (полноценным или адекватным) можно признать лишь такой перевод, который передает эту информацию равноценными средствами» (Я. И. Рецкер, 2004: 10). А. В. Федоров дает следующее определение «полноценности перевода»: «полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему» (там же: 173). На наш взгляд, в свете данной работы крайне важна мысль А. В. Федорова о том, что полноценность перевода «предполагает использование

таких языковых средств, которые, часто не совпадая по своему формальному характеру с элементами подлинника, выполняли бы аналогичную смысловую и художественную функцию в системе целого» (там же).

Среди тех ученых, кто не разграничивает понятия «адекватность» и «эквивалентность» можно, в частности, назвать Л. С. Бархударова, В. С. Виноградова, Л. К. Латышева, А. Л. Семенова и других. Так, Л. С. Бархударов воспринимает адекватность и эквивалентность как синонимы: «Понятие адекватности перевода, то есть требование эквивалентности текста на ПЯ тексту на ИЯ, предполагает, однако, равный учет как прагматических, так и семантических факторов — вторые не должны в нормальных условиях приноситься в жертву первым» (Л. С. Бархударов, 1975: 131-132).

В. С. Виноградов понимает понятия адекватности и эквивалентности как «наиболее полное и идентичное сохранение в тексте перевода жанрового своеобразия оригинала и всей разнообразной информации, содержащейся в тексте подлинника» (В. С. Виноградов, 2004: 11).

Если говорить о зарубежных специалистах в области переводоведения, то, например, для Т. Сэвори адекватный перевод – это перевод сюжетных произведений, в котором важно исключительно содержание и неважно, как это содержание выражено (Т. Savory, 1952; В. Н. Комиссаров, 2002). Многие зарубежные лингвисты не выделяют в своих работах термин «адекватность», а преимущественно говорят об «эквивалентности» (Дж. К. Кэтфорд, 2004; А. Попович, 2000; S. Bassnett-McGuire, 1980; М. А. К. Halliday, 1964 и др.). (Точки зрения этих ученых анализируются, в частности, в работе В. Н. Комиссарова, 2002.)

Среди тех, кто разграничивает понятия эквивалентности и адекватности, необходимо в первую очередь назвать В. Н. Комиссарова и А. Д. Швейцера.

В. Н. Комиссаров, рассуждая о понятии «адекватный перевод» дает ему следующее определение: «адекватный перевод – перевод, обеспечивающий прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для

достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм и узуса ПЯ, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствия конвенциональной норме перевода. В нестрогом употреблении адекватный перевод – это «правильный» перевод» (В. Н. Комиссаров, 2002: 407). В. Н. Комиссаров справедливо полагает, что «хотя перевод предназначен для полноправной замены оригинала, его полная тождественность исходному тексту недостижима и можно говорить лишь об эквивалентности, то есть о какой-то степени близости перевода к оригиналу» (там же: 13). Под близостью В. Н. Комиссаров понимает смысловую и формальную близость перевода к оригиналу. Таким образом, автор вводит в своих работах понятие эквивалентности, а также ее уровней и считает данное понятие одним из центральных в теории перевода, определяя эквивалентность как «относительную общность перевода и оригинала при отсутствии их тождества» (там же: 113). По мнению В. Н. Комиссарова, термин «адекватность», как и термин «эквивалентность», является оценочным, так как только адекватный перевод может считаться «правильным» или «хорошим». Кроме того, адекватный перевод включает определенную степень эквивалентности, но эквивалентный перевод не обязательно является адекватным.

А. Д. Швейцер, как и В. Н. Комиссаров, полагает, что понятия «адекватность» и «эквивалентность» не являются синонимами и носят оценочный характер (А. Д. Швейцер добавляет «оценочно-нормативный»). По его мнению, различие между ними состоит в следующем: «Но если эквивалентность ориентирована на результаты перевода, на соответствие создаваемого в итоге межъязыковой коммуникации текста определенным параметрам оригинала, адекватность связана с условиями протекания межъязыкового коммуникативного акта, с его детерминантами и фильтрами, с выбором стратегии перевода, отвечающей коммуникативной ситуации. Иными словами, если эквивалентность отвечает на вопрос о том, соответствует ли конечный текст исходному, то адекватность отвечает на

вопрос о том, соответствует ли перевод как процесс данным коммуникативным условиям» (А. Д. Швейцер, 1988: 95). Важен и еще один вывод А. Д. Швейцера, перекликающийся с точкой зрения В. Н. Комисарова, о том, что перевод, даже если он полностью эквивалентен оригиналу, не всегда является адекватным, и наоборот, адекватный перевод не всегда полностью эквивалентен оригиналу.

В нашем исследовании мы будем придерживаться трактовки понятия «адекватный перевод», данной именно В. Н. Комисаровым и А. Д. Швейцером, суть которой была изложена выше, и не будем применять понятие «эквивалентный перевод» во избежание путаницы.

1.3.2. О понятии компенсации в переводе

Как уже упоминалось выше, достижение переводческой адекватности, как правило, связано с некоторыми потерями в смысловом содержании текста. Оптимальным, конечно, является такой перевод, в котором вместе с воспроизведением основной функции текста передаются все функции входящих в него единиц, но это перевод идеальный.

Для достижения адекватности перевода переводчики используют различные способы, описанные во многих работах по переводоведению, в том числе: 1) создание окказионального варианта перевода; 2) калькирование; 3) описательный перевод; 4) использование сноски; 5) использование приема компенсации.

Наше исследование посвящено анализу применения последнего из вышеперечисленных способов, широко практикуемого в художественном переводе, поэтому считаем необходимым осветить вопрос его трактовки подробнее.

Понимание сущности компенсации возникло довольно давно, и некоторые переводчики-практики, не употребляя самого термина, писали именно о компенсации. Так, И. И. Введенский, объясняя свой метод,

использованный при переводе романа У. Теккерея “Vanity Fair” (в его переводе – «Базар житейской суеты»), приводит отрывок из своего перевода, где имеется много латинских вкраплений, и добавляет: «Всех латинских слов и некоторых эпитетов, прибавленных к отдельным словам, нет в оригинале: но я смею думать, что без этих прибавок было бы невозможно выразить по-русски основную идею Теккерея. Если мистер Бинни в оригинале не произносит здесь латинских фраз, зато он щеголяет ими в других подобных случаях, а это все равно. И если читатель согласится, что здесь выражена идея педантизма, то переводчик вправе надеяться, что цель его достигнута» (И. И. Введенский, 1960: 246).

Первым понятие переводческой компенсации ввел Я. И. Рецкер, который отнес данный прием к выделяемым им семи разновидностям лексических трансформаций. Прием переводческой компенсации объясняется Я. И. Рецкером как проявление логической категории внеположенности. По его мнению, компенсацией (или компенсацией потерь) в переводе считается «замена непередаваемого элемента подлинника элементом иного порядка в соответствии с общим идейно-художественным характером подлинника и там, где это представляется удобным по условиям русского языка» (Я. И. Рецкер, 2004: 64). Однако мы разделяем точку зрения В. Н. Комиссарова, который полагает, что «такое широкое определение делает порой невозможным отличить компенсацию от других видов контекстуальных замен, когда также в переводе используются элементы иного порядка» (В. Н. Комиссаров, 2002: 19).

Я. И. Рецкер различает семантическую и стилистическую компенсацию. В случае семантической компенсации «восполняется пропущенный не передаваемый в переводе компонент для полноты смысла» (Я. И. Рецкер, 2004: 64). Данный прием, по мнению автора, часто применяется при переводе безэквивалентной лексики, в первую очередь это касается всех видов реалий: географических, этнографических, фольклорных, мифологических, бытовых, общественных, исторических и т. д. Речь идет о

реалиях, характерных для страны языка оригинала и чуждых языку перевода. Безусловно, этот прием не обязателен для применения в подобных случаях. Нельзя не согласиться с Я. И. Рецкером, а также с С. Влаховым и С. Флориным, которые полагают, что если реалии не имеют принципиального значения, то в переводе их вполне можно опустить, причем без каких бы то ни было потерь для читателя. Заметим также, что, по мнению Я. И. Рецкера, семантическая (или смысловая) компенсация может быть двух видов: локальной (местной) и тотальной (общей). Автор не дает четких определений двум последним понятиям, однако из приведенных им примеров можно сделать вывод, что локальная (местная) смысловая компенсация – это такая компенсация, когда восполняются пробелы, вызванные употреблением реалий, характерных для страны ИЯ и чуждых иному языку и иной действительности, а тотальная (общая) смысловая компенсация – это компенсация, применяемая в тех случаях, когда прямое словарное соответствие единицы ИЯ адекватно не отражает смысл данной единицы при ее передаче на ПЯ.

Я. И. Рецкер отмечает, что при передаче в переводе различных территориальных и социальных диалектов используется стилистическая и экспрессивная компенсация – «замена одного выразительного средства другим» (Я. И. Рецкер, 2004: 66). Такая компенсация также может быть локальной и тотальной. Автором приводятся примеры замены грамматических и фонетических особенностей лондонского диалекта кокни, которые нельзя воспроизвести в переводе, средствами русского просторечия.

Локальная компенсация «может иметь особое назначение: служить цели, достигаемой в русском языке иными средствами, чем в английском или французском. Например, при передаче аллитерации или контаминированной речи. В таких случаях цель оправдывает средства, так как содержание информации может иметь меньшее значение, чем производимый данным высказыванием эффект. Когда автор намеренно приводит абсурдный набор слов, чтобы подчеркнуть пародийность текста, в переводе вообще может не

оказаться словарных соответствий подлиннику, и тогда можно говорить о сплошной компенсации» (там же).

А. В. Федоров, хотя и не рассматривал в своих работах прием компенсации, фактически раскрыл его сущность: «В практике перевода встречается ряд случаев, когда не воспроизводится совсем или заменяется формально далеким тот или иной элемент подлинника, пропускается то или иное слово, словосочетание и т. п. [...] Конечно, целое существует не как какое-то абстрактное понятие, – оно состоит из конкретных элементов, которые, однако, существенны не каждый в отдельности и не в механической своей совокупности, а в системе, образуемой их сочетанием и составляющей единство с содержанием произведения. Отсюда возможность замен и компенсаций в системе целого, открывающей для этого разнообразные пути; таким образом, утрата отдельного элемента, не играющего организующей роли, может не ощущаться на фоне обширного целого, он как бы растворяется в целом или заменяется другими элементами, иногда и не заданными оригиналом» (А. В. Федоров, 1983: 124).

Л. С. Бархударов рассматривает прием компенсации, обеспечивающий, по его мнению, эквивалентность текста в целом, как комплексную лексико-грамматическую замену. Он полагает, что компенсация «применяется в тех случаях, когда определенные элементы текста на ИЯ по той или иной причине не имеют эквивалентов в ПЯ и не могут быть переданы его средствами; в этих случаях, чтобы восполнить («компенсировать») семантическую потерю, вызванную тем, что та или иная единица ИЯ осталась непереуведенной или неполностью переуведенной (не во всем объеме своего значения), переводчик передает ту же самую информацию каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в подлиннике» (Л. С. Бархударов, 1975: 218-219). На наш взгляд, данное объяснение не представляется полным, так как в нем говорится только о семантических потерях, и ничего – о стилистических.

По мнению Л. С. Бархударова, компенсация «используется особенно часто там, где необходимо передать чисто внутрилингвистические значения, характеризующие те или иные языковые особенности подлинника — диалектальную окраску, неправильности или индивидуальные особенности речи, каламбуры, игру слов и пр., а также и при передаче прагматических значений, когда не всегда можно найти прямое и непосредственное соответствие той или иной единице ИЯ в системе ПЯ. Прием компенсации четко иллюстрирует то положение, которое нами подчеркивалось неоднократно: эквивалентность перевода обеспечивается на уровне не отдельных элементов текста (в частности слов), а всего переводимого текста в целом. Иначе говоря, существуют непередаваемые частности, но нет непередаваемых текстов» (Л. С. Бархударов, 1975: 220). Давая свое определение компенсации, Л. С. Бархударов ничего не говорит о стилистическом аспекте данного явления, однако, анализируя ниже этот прием глубже, он упоминает о прагматике, таким образом расширяя свое толкование компенсации.

А. Д. Швейцер также обращался в своих работах к приему компенсации. Описывая ситуативную модель, используемую для передачи денотативных значений и связанную с соотношением семантических компонентов в оригинале и переводе, автор рассматривает случаи, когда одни компоненты в переводе добавляются, другие опускаются, а третьи заменяются какими-либо другими компонентами. Именно к реализации ситуативной модели автор относит прием компенсации (А. Д. Швейцер, 1973).

Р. К. Миньяр-Белоручев полагал, что прием компенсации есть трансформация, происходящая на лексико-семантическом уровне. Согласно его определению, компенсация — «это прием перевода, восполняющий неизбежные семантические или стилистические потери средствами языка перевода, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в подлиннике» (Р. К. Миньяр-Белоручев, 1999: 168).

В. Н. Комиссаров относит прием компенсации к лексико-грамматическим трансформациям. Им дается следующее определение: «компенсация – это способ перевода, при котором элементы смысла, утраченные при переводе, передаются в тексте перевода каким-либо иным средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале» (В. Н. Комиссаров, 1999: 172-173). Однако заметим, что данное определение представляется нам менее полным, чем определение Р. К. Миньяр-Белоручева, так как в нем говорится исключительно об утрате элементов смысла, но не о стилистических потерях. При этом В. Н. Комиссаров все же пишет о них, подробно рассматривая прием компенсации при описании пятого типа эквивалентности (т. е. так же, как и у Л. С. Бархударова, в его определение ничего не говорится о стилистике, но в дальнейшем он уделяет значительное внимание данному аспекту проблемы).

И. С. Алексеева также относит компенсацию к разновидностям трансформаций. Она полагает, что компенсация «касается функциональных доминант текста, занимающих в иерархии компонентов содержания верхние ступеньки: инвариантных и вариантно-вариабельных компонентов» (И. С. Алексеева, 2004: 168). Автор различает позиционную и разноуровневую (или качественную) компенсацию. В качестве примера одноуровневой позиционной компенсации, по мнению И. С. Алексеевой, может служить передача в переводе фразеологизмов. «Помимо функции передачи когнитивной информации в тексте, они одновременно выполняют функцию передачи просторечно-разговорной окраски текста (в художественном тексте, бытовом устном тексте) [...]». Однако, как известно, не всякий фразеологизм находит в языке идиоматическое соответствие, в таком случае фразеологизм с другим образом вводится в текст в другом месте, поскольку важен сам факт наличия определенного числа фразеологизмов в данном тексте – для создания колорита просторечности» (там же). Идея существования позиционной и разноуровневой компенсации представляется крайне интересной и нуждается, на наш взгляд, в дальнейшем развитии, что

мы и попытались сделать ниже, предложив свою классификацию видов компенсации. Заметим также, что другие лингвисты также занимались разработкой именно классификаций приемов компенсации.

По мнению Л. В. Бреевой и А. А. Бутенко, компенсация является «наиболее сложным и трудно поддающимся описанию из всех приемов перевода [...]. В любом языке есть элементы, не поддающиеся отдельной передаче средствами другого языка, поэтому очевидна необходимость компенсировать эту потерю при переводе. Речь идет о потерях смыслового и стилистического порядка. Прием компенсации заключается в передаче смыслового значения или стилистического оттенка не там, где он выражен в оригинале, или не теми средствами, какими он выражен в оригинале. Если переводчик вынужден жертвовать или стилистической окраской, или экспрессивным зарядом слова при переводе, то, конечно, он должен в первую очередь сохранить экспрессивное значение слова или словосочетания, а в случае невозможности найти такое соответствие, возместить эту потерю приемом компенсации» (Л. В. Бреева, А. А. Бутенко). Авторы предлагают свою классификацию видов компенсации. Так, они полагают, что компенсация может быть контактной (в предложении, в развернутой метафоре, в сверхфразовом единстве, в структуре производного образа, образа-персонажа). Также, по их мнению, можно отметить также существование дистантной компенсации единичных микрообразов, когда образы в русском переводе появляются там, где нет языкового образа подлинника. Таким образом переводчик компенсирует, например, уже имевшую место потерю образной метафорической информации в канве речевого произведения как целого. Тем не менее, авторы говорят только о «микрообразах», т. е. об образной компенсации, но эту же схему можно применить и при описании экспрессивной, семантической и стилистической компенсации. Это означает, что каждая из этих компенсаций может быть как контактной (потери компенсируются в том же самом месте текста ПЯ, что и в

тесте ИЯ), так и дистантной (потери компенсируются в ином месте текста ПЯ, чем в тексте ИЯ).

Свою классификацию видов компенсации предлагает С. А. Циркунова. (В своей работе лингвист рассматривает вопрос использования приема компенсации при передаче в переводе игры слов). Согласно ее концепции, каждый вид компенсации можно охарактеризовать типологическим и топографическим параметрами. В типологическом аспекте компенсация может быть: прямой (когда определенный стилистический прием на языке оригинала передается тем же стилистическим приемом на языке перевода: например, каламбур передается каламбуром) и аналогом (стилистический прием на языке оригинала передается иным стилистическим приемом на языке перевода). В топографическом аспекте (автор имеет в виду местоположение одного относительно другого в текстах языка оригинала и языка перевода) компенсация может быть: параллельной (компенсация в той же части текста), смежной (компенсация на некотором расстоянии от утраченного стилистического приема языка оригинала), смещенной (компенсация на значительном расстоянии) и обобщенной (текст перевода содержит стилистические приемы, адаптирующие его для читателей языка перевода) (С. А. Циркунова, 2002: 33-34). Мы полагаем, что в принципе данная классификация может использоваться не только применительно к стилистическим приемам, но и по отношению к любому языковому явлению языка оригинала, которое при его передаче на язык перевода необходимо компенсировать.

В зарубежном переводоведении, проблема компенсации затрагивалась, например, А. Поповичем. Он пишет, что «так как в силу отличий – языковых, литературных, культурных – прямая и непосредственная идентификация двух кодов невозможна, перевод по сравнению с оригиналом должен отличаться некоторыми сдвигами. Это означает, что некоторые стороны текста реализуются, а некоторые возникают вновь. При этом необходимо, чтобы все утраченное при переводе хотя бы частично тем или иным

способом компенсировалось» (А. Попович, 2000: 97). Принцип «восполнения утраченного» сформулировал А. Людсканов: «Принцип функциональных эквивалентов подразумевает свободу переводчика при выборе средств, и поэтому неизбежно ведет к исключению чего-то (–) и к изменениям и добавлениям (+)» (цит. по А. Поповичу, 2000: 98).

Проанализировав подробно все вышеизложенные точки зрения, считаем необходимым дать собственное определение приема компенсации (при этом за основу мы берем приведенное выше определение В. Н. Комиссарова). **Компенсация – это способ перевода, при котором элементы смысла, прагматические значения, а также стилистические нюансы, тождественная передача которых невозможна, а, следовательно, утрачиваемые при переводе, передаются в тексте перевода элементами другого порядка, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале.**

Компенсация может быть контактной, когда потери компенсируются в том же самом месте текста ПЯ, что и в тексте ИЯ, и дистантной, когда потери компенсируются в ином месте текста ПЯ, чем в тексте ИЯ. Нам представляется возможным еще более детализировать данное деление и ввести два новых понятия: **горизонтальной** и **вертикальной** компенсации.

Горизонтальная компенсация – это такая компенсация, при которой элементы смысла, прагматические значения, а также стилистические нюансы, выражающиеся в тексте оригинала единицами одного уровня и утрачиваемые при переводе, воссоздаются в тексте перевода единицами того же уровня: то есть фонетика передается фонетикой (на письме это делается графически), лексика – лексикой и т. д.

Вертикальная компенсация – это такая компенсация, при которой элементы смысла, прагматические значения, а также стилистические нюансы, выражающиеся в тексте оригинала единицами одного уровня и утрачиваемые при переводе, воссоздаются в тексте перевода единицами

другого уровня: то есть лексика передается синтаксисом, фонетика – лексикой, синтаксис – лексикой и т. д.

И горизонтальная, и вертикальная компенсация может быть как контактной, так и дистантной.

Практическое применение предлагаемой нами классификации будет проанализировано во 2 главе данного исследования.

1.3.3. Применение приема компенсации при передаче стилистически сниженных высказываний

Так как основное внимание в данной работе уделено стилистически сниженным высказываниям, считаем необходимым отдельно остановиться на проблеме их передаче при переводе.

Для переводчика, занимающегося переводом художественного произведения, насыщенного стилистически сниженными высказываниями, подбор соответствий представляет значительную трудность прежде всего потому, что многие критерии (глубина сниженности, степень ограниченности социальными и профессиональными рамками) имеют весьма субъективный характер. Трудно не согласиться с В. П. Берковым, что «не все говорящие на данном языке одинаково воспринимают стилистическую валентность определенного слова, например, один человек относит слово к разговорному стилю, другой – к просторечию, третий – к нейтральному» (В. П. Берков, 1977: 67). В силу этого переводчики, подбирая семантико-стилистические эквиваленты, основываются большей частью на языковом чутье и знании нормы. Определенное значение имеет и неодинаковая степень владения ИЯ и ПЯ (родной – иностранный).

Очевидно, что воспроизведение функций стилистически сниженных высказываний в отдельном конкретном случае еще не означает автоматического достижения адекватности перевода на уровне всего текста. По мнению А.В. Федорова, «лишь из соотношения функциональной нагрузки

сниженных единиц в текстах – именно в текстах – оригинала и перевода мы можем определить, является ли перевод адекватным или нет, так как не отдельное, разовое употребление сниженного слова, а все случаи употребления сниженных слов в разных функциях определяют художественно-эстетическое воздействие литературного текста» (А. В. Федоров, 1983: 146).

В. В. Сдобников считает, что «утрата стилистической окраски слова, что случается достаточно часто, хотя и не означает неадекватности перевода, все же сопряжена с невоспроизведением некоторых функций единиц в тексте. В таких случаях переводчик должен принять решение: какими из функций слова можно пожертвовать без ущерба для адекватности, а какие следует обязательно воспроизвести в переводе» (В. В. Сдобников, 1992: 147).

Часто при передаче стилистически сниженных высказываний обращаются к нейтральным высказываниям, а также высказываниям меньшей глубины сниженности. Очевидно, что это позволяет передать семантическое значение единицы языка оригинала и, таким образом, сохранить смысл высказывания. Тем не менее, стилистический эффект при таком переводе может быть потерян, и именно во избежание подобных потерь, используют прием компенсации.

Применение приема компенсации при передаче сниженных единиц связано, в частности, с таким свойством стилистически окрашенных слов, которое В. Д. Девкин условно назвал «повышенной радиацией»: «Помимо прямого назначения (характеризовать свой денотат) стилистически маркированное средство обладает свойством создавать общий колорит, окрашивать целый текст – речь такой протяженности, которая явно выходит за пределы этого средства. Происходит своеобразное распространение окраски всей речи или какого-то ее отрывка за счет одного этого момента» (В. Д. Девкин, 1979: 18). «От применения какого-нибудь отдельного научного термина речь не станет книжной, а одного сниженного слова уже достаточно, чтобы разговорно окрасить даже продолжительный отрезок

речи» (там же). На наш взгляд, не только слова, но и высказывания могут обладать вышеуказанным свойством, и прием компенсации применительно к стилистически сниженным высказываниям может основываться на нем, т. е. речь идет не только о лексике. Мы полностью согласны с точкой зрения Ю. М. Скребнева (1985) о том, что «текст может быть лишен коллоквиализмов, но по своим структурно-синтаксическим характеристикам может быть безошибочно отнесен к «разговорным» (цит. по Г. А. Орлову, 1991:155).

Учитывая, что данная работа посвящена таким стилистически сниженным высказываниям, единицы которых принадлежат к территориальным и социальным диалектам, ниже, во 2 главе, подробно будет исследован вопрос их передачи при переводе и применения при этом приема компенсации.

ВЫВОДЫ

Высказывания, единицы которых или синтаксическое построение единиц которых не соответствуют норме данного языка, иначе говоря, его стандарту, и включают элементы языкового субстандарта, относятся к стилистически сниженным. Стилистически сниженные высказывания – многоплановое явление, затрагивающее все языковые уровни. Высказывания, единицы которых принадлежат диалекту (как территориальному, так и социальному), (несмотря на то, что для владеющих только диалектной нормой такие высказывания и есть языковая норма), могут быть отнесены к стилистически сниженным, в связи с тем, что, с общелингвистической точки зрения, диалект находится в оппозиции к стандарту.

Особенности территориальных диалектов проявляются на всех языковых уровнях (фонологическом, лексико-фразеологическом, морфологическом, синтаксическом), специфика же социальных диалектов проявляется преимущественно на лексико-фразеологическом уровне.

В художественной литературе стилистически сниженные высказывания (в том числе высказывания, единицы которых принадлежат территориальному или социальному диалекту) находят свое отражение в обработанном, типизированном виде, согласно воле автора, в зависимости от функций, выполняемых ими в тексте.

Одним из способов передачи стилистически сниженных высказываний является компенсация. Суть данного способа состоит в том, что это способ перевода, при котором элементы смысла, прагматические значения, а также стилистические нюансы, тождественная передача которых невозможна, а, следовательно, утрачиваемые при переводе, передаются в тексте перевода элементами другого порядка, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале.

Компенсация может быть контактной, когда потери компенсируются в том же самом месте текста ПЯ, что и в тексте ИЯ, и дистантной, когда потери компенсируются в ином месте текста ПЯ, чем в тексте ИЯ.

Нами также вводятся понятия горизонтальной и вертикальной компенсации. При **горизонтальной** компенсации элементы смысла, прагматические значения, а также стилистические нюансы, выражающиеся в тексте оригинала единицами одного уровня и утрачиваемые при переводе, воссоздаются в тексте перевода единицами того же уровня: то есть фонетика передается фонетикой (на письме это делается графически), лексика – лексикой и т. д. При **вертикальной** компенсации элементы смысла, прагматические значения, а также стилистические нюансы, выражающиеся в тексте оригинала единицами одного уровня и утрачиваемые при переводе, воссоздаются в тексте перевода единицами другого уровня: то есть лексика передается синтаксисом, фонетика – лексикой, синтаксис – лексикой и т. д. При этом как горизонтальная, так и вертикальная компенсация могут в то же время быть контактной или дистантной.

ГЛАВА 2

Стратегии компенсации при передаче некоторых видов стилистически сниженных высказываний

2.1.1. Стратегии компенсации при передаче территориальных диалектов в переводе

Вопрос передачи территориальных диалектов интересовал многих теоретиков перевода, так как эти нелитературные разновидности языка всегда представляют для переводчиков определенную сложность. Если речь идет исключительно о местном наречии, или территориальном диалекте, такие разновидности становятся практически непереводимыми в том смысле, что передать его географическую маркированность невозможно, при том что передать смысл высказывания, единицы которого относятся к территориальному диалекту, нетрудно.

В художественной литературе весьма распространены случаи, когда в произведении используется территориальный диалект или же когда все произведение написано на диалекте. Использование в тексте диалекта – важный стилевой маркер. Прежде всего, он содержит много информации о персонаже, употребляющем местное наречие. Из этого следует, что переводчику необходимо решить для себя, как передать такое отклонение от нормы (если за норму мы принимаем кодифицированный, обработанный, общеупотребительный язык). Диалект «надо как-то передать, без ущерба для колорита и общего тона, и не заставляя в то же время лондонского «кокни» изъясняться на ломаном великорусско-украинском наречии» (С. Флорин, 1983: 51). «Согласно давно принятой в художественном переводе аксиоме, диалектизм [...] нельзя переводить диалектизмом» (С. Влахов, С. Флорин, 1986: 324). «Диалекты русского языка и диалекты немецкого языка имеют разный статус в общенациональном языке и разный набор признаков. Кроме

того, они обладают ярко выраженной однозначной территориальной соотнесенностью (баварский диалект маркирует только Баварию и не может быть передан с помощью псковского диалекта)» (И. С. Алексеева, 2004: 195). Безусловно, данное высказывание может быть отнесено к любому языку. «Попытка установить эквивалентность между, скажем, диалектом негров Миссури, на котором говорит негр Джим у Марка Твена, и каким-либо диалектом немецкого или русского языков теоретически не оправдана и практически не наблюдается. Сходное географическое расположение диалектов не наблюдается» (В. Н. Комиссаров, 2000: 71). «Можно прямо сказать, что воспроизведение территориальных диалектизмов ИЯ, как таковых, неосуществимо с помощью территориальных же диалектизмов ПЯ. Дело в том, что использование элементов того или иного территориального диалекта ПЯ неизбежно вступает в противоречие с реальным содержанием подлинника, с местом действия, с его обстановкой, с принадлежностью действующих лиц, да и автора, к определенной национальности» (А. В. Федоров, 1983: 252). Именно такой подход традиционен для переводов на русский язык: «Как общий принцип (но не без исключений) перевод старался выдерживать совпадение столетий, а также пропорцию архаизмов и “непонятных” слов. Но произвол, конечно, был неизбежен; многие пласты языка, по их слишком специфической русскости или конкретности ассоциаций, исключались – как, например, диалектная речь» (С. Хоружий, 1993: 628).

Мы полностью разделяем приведенную выше точку зрения и считаем в корне неверным передавать диалект языка оригинала диалектом языка перевода. Заметим, однако, что такой подход все же применяется. Так, например, в Испании существует перевод пьесы Б. Шоу «Пигмалион», в котором Элиза Дулиттл говорит на южно-испанском диалекте (М. Т. Санчес, 1999). В словацком переводе этого произведения переводчицей использовалась языковая смесь словацкого литературного языка и словацких диалектов. Такую практику обосновывал и теоретик перевода в Пражском

лингвистическом кружке В. Прохазка. По этому же пути пошел и Д. Джойс, переводивший силезский диалект в пьесе Гауптмана ирландским деревенским говором (С. Хоружий, 1993: 628).

О применимости и распространенности такого подхода пишет Дж. К. Кэтфорд: «Выбор в языке-цели эквивалентного регионального диалекта означает выбор диалекта, в географическом смысле относящегося к «той же самой части страны». При этом география понимается шире, нежели топографические и пространственные координаты, в данном случае речь идет скорее о «человеческой географии», чем просто о местоположении. Так, «говоря о диалектах Великобритании, *кокни* мы считаем *юго-восточным* диалектом. При переводе на французский язык диалога на *кокни* большинство переводчиков предпочтут выбрать в качестве эквивалентного диалекта языка-цели *парижский* диалект (Parigot), невзирая на то, что это северный диалект французского языка. Критерий выбора здесь – «человеческий» или «социальный» аспект географического характера, а не просто пространственный» (Дж. К. Кэтфорд, 2004: 170) (курсив автора).

Возможно, что передача диалекта языка ИЯ диалектом ПЯ и осуществляется в некоторых национальных переводческих традициях, но применительно к отечественному переводоведению такой подход не является распространенным, хотя и возможен. Так Н. М. Любимов в своем переводе романа Г. Флобера «Мадам Бовари» пользуется областными словами, оговариваясь при этом, «как ни странно это может показаться на первый взгляд»: «И вот что дает мне на это право. Ведь по существу, это «областной» роман. Недаром Флобер дает к нему подзаголовок: «Провинциальные нравы». Действие его происходит почти исключительно в заштатных городках или на хуторе, и только несколько эпизодов связано с Руаном. В связи с общим «областным» колоритом романа его лексика тоже временами приобретает особый колорит. Провинциализмы просачиваются не только в диалог, но и в авторскую речь. [...] Понятно, я не имел намерения ставить провинциализмы непременно в те места, где они стояли у Флобера.

[...] Я рассматриваю каждую переводную книгу как большое словесное хозяйство. Если я замечаю, что те или иные растения разрослись в моем переводе слишком бурно, грозя заглушить другие, я их подрезаю или выпалываю. Напротив, каких мне не хватает, те я подсаживаю» (Н. М. Любимов, 1960: 4-5). Н. М. Любимов не только поясняет причины применения им определенной переводческой стратегии, но и с художественным изяществом раскрывает суть приема компенсации.

Характерно, что Н. М. Любимов пишет о провинциализмах, т. е. единицах, которые осознаются как принадлежность некоего недифференцированного территориального диалекта: точно идентифицировать местность, где распространен этот диалект, может только профессиональный диалектолог.

Испанский филолог М. Т. Санчес ссылается на британских лингвистов С. Херви, А. Хиггинса и Л. Хейвуд, которые полагают, что переводчик должен, в первую очередь, «решить, какие особенности диалекта могут быть переданы на ПЯ. Совершенно очевидно, что чем глубже переводчик знает диалекты ИЯ, тем лучше» (цит. по М. Т. Санчес, 1999: 305). М. Т. Санчес развивает эту мысль, утверждая, что «недостаток или отсутствие знаний о диалектах ИЯ и их особенностях может привести к серьезным ошибкам при переводе. При этом неважно, решил ли переводчик передать диалект ИЯ диалектом ПЯ или же он нейтрализовал его при переводе» (там же). К сожалению, из этого комментария не понятно, о каких рода ошибок идет речь. Мы полагаем, что в данном случае автор скорее имеет в виду ошибки смысловые, чем стилистические.

Представляется интересным также другое замечание С. Херви, А. Хиггинса и Л. Хейвуд о том, что переводчику важно определить, «насколько диалект в речи персонажей и информация, которая за этим стоит, важны для текста перевода. У переводчика всегда есть возможность создать текст перевода при помощи обычного, стандартного варианта ПЯ, не используя диалектные варианты. Это может оказаться правильным в случае, если

использование диалекта в тексте оригинала можно воспринять как случайность, или, по крайней мере, обусловленное конкретными целями ПЯ. [...] Однако если использование диалекта в тексте перевода не может расцениваться как случайность [...], переводчик должен найти средства, чтобы показать, что в тексте перевода диалект присутствует» (цит. по М. Т. Санчес, 1999: 306). Позволим себе не согласиться с данным высказыванием в том, что касается возможности передачи диалекта при помощи обычного, стандартного варианта ПЯ. Такая стратегия (под стратегией мы понимаем комплекс целенаправленных преобразований для реализации определенной задачи) при переводе представляется нам неверной, так как читатель текста перевода должен получить ту же информацию, что и читатель текста оригинала, пусть, возможно, и не в полном объеме. Кроме того, решение переводчика о «случайности» употребления автором того или иного диалекта может оказаться достаточно субъективным; таким образом, дискуссионным остается вопрос, вправе ли переводчик решать, насколько «случайно» было использование автором того или иного диалекта. Безусловно, мы имеем в виду тексты с многократными вкраплениями диалекта или тексты, написанные на диалекте. В случае если в речи персонажа всего лишь раз проскользнуло диалектное слово, и факт употребления диалектизма больше нигде в тексте не отыгрался, компенсировать его совсем не обязательно.

Путь, по которому идут переводчики при передаче диалектов в большинстве случаев, – это использование приема компенсации. Причем чаще всего компенсация реализуется через использование в переводе просторечия. «Лексика конкретного языка в диалектном плане зонально маркирована только в ареале распространенности данного языка и не может иметь эквивалентов с соответственной маркировкой в другом языке. Поэтому подобные информативные потери восполняются с помощью просторечия, указанием на то, что эквивалент, равно как соответствующий ему диалектизм оригинала, не относятся к литературной норме, «оторваны» от нее. Не менее часто диалектизмы передаются общелитературными словами, а

утраченную информацию, обычно связанную, например, в художественных текстах, с речевой характеристикой героя или описанием той или иной среды, компенсируют какими-либо другими языковыми средствами в том же микроконтексте или в другом месте широкого контекста» (В. С. Виноградов, 2004: 87).

О возможности передавать диалект просторечием пишет и И. С. Алексеева: «Любой диалект привносит в текст оттенок простонародности, провинциальности и поэтому может быть передан с помощью отклонения от нормы другого типа, которое обладает в тексте похожей функцией – с помощью просторечия. В основе этой функциональной лексической замены лежит стремление сохранить основную функциональную характеристику текста – факт ненормативности текста» (И. С. Алексеева, 2004: 195).

И В. С. Виноградов, и И. С. Алексеева говорят исключительно о диалектизмах, однако, бесспорно, приведенные выше цитаты можно отнести не только к диалектизмам, то есть единицам лексико-фразеологического уровня, но и к высказываниям, единицы которых, принадлежат к различным языковым уровням. Компенсация в таком случае происходит не только при помощи просторечия, но и с использованием средств оформления разговорной речи.

А. В. Федоров, также писавший о непереводаемости диалектизмов, как и В. С. Виноградов, указывает, что «элементы территориального диалекта, использованные в литературном произведении, [...] могут служить и чертой социальной или культурной характеристики персонажей. Именно эта особенность стилистического использования диалектизма поддается в той или иной мере воспроизведению в переводе, [...] и основным функциональным соответствием всякого рода диалектизмов (как территориальных, так и социальных) в русских переводах способно служить просторечие в широком смысле слова» (А. В. Федоров, 1983: 252-253).

Об этом же он писал в своей более ранней работе: «Что касается территориально-диалектных черт, то они, будучи фактором, во многом

определяющим стилистическое своеобразие оригинала в целом или отдельного его отрезка, являются вместе с тем специфически национальными. Им могут быть указаны стилистические соответствия в оригинальных произведениях художественной литературы на другом языке, а в переводе их роль именно как показателя конкретного местного своеобразия естественно не может осуществиться и в лучшем случае компенсируется просторечной или общей устно-разговорной окраской» (А. В. Федоров, 1971: 112-113). Эту же мысль высказывают С. Влахов и С. Флорин (С. Влахов, С. Флорин, 1986: 322). Интересно и, на наш взгляд, абсолютно верно их замечание по поводу того, что «частным случаем являются места, где автор оговаривает диалектную речь своего героя. В таких местах, на наш взгляд, сказанного автором достаточно, и лучше передать самую реплику на литературном языке, не подыскивая никаких аналогов» (там же: 324). Кроме того, авторы упоминают в своей работе и национально-групповые диалекты (в частности, итальянский, креольский, немецкий национально-групповые диалекты США), отличающиеся от основного (английского) языка фонетическими и морфологическими искажениями, а также смешанной с местными словами лексикой. Такого рода диалекты, как полагают С. Влахов и С. Флорин, вполне успешно можно переводить ломаной речью (там же: 325). Отметим, что «ломаная речь» является не совсем лингвистическим понятием, и в данном случае обычно употребляется термин «контаминированная речь».

Такого же подхода к переводу территориальных диалектов придерживается В. Н. Комиссаров: «Для переводческой практики весьма важно учитывать тот факт, что между социальными и территориальными диалектами существует тесная связь: территориальные различия обычно сохраняются в речи малообразованных людей и сглаживаются в процессе получения образования. Отдельный диалект может быть ограничен и географически, и общественным положением, то есть быть одновременно и территориальным и социальным. Таков, например, лондонский «кокни»,

характерный для речи «низов» английской столицы. Благодаря наличию такой связи, дополнительная информация, репрезентируемая территориально-диалектными формами, может быть передана в переводе средствами малообразованной речи» (В. Н. Комиссаров, 2000: 71-72). Об этом же пишет и А. Д. Швейцер: «Если локальный компонент диалектной речи непереволим, то это в известной мере компенсируется передачей ее социального компонента. Обычно это достигается с помощью просторечия и сниженной разговорной речи» (А. Д. Швейцер, 1988: 104).

Приведем мнение А. Поповича, ссылающегося на наблюдение Эугена Паулини, «согласно которому диалект используется тогда, когда автор обращается к разговорному языку» (А. Попович, 2000: 120). Отсюда мы также можем сделать вывод о том, что передача диалекта просторечием вполне оправдана. С ним солидарен и К. И. Чуковский (К. И. Чуковский, 1988).

К сожалению, приходится отмечать, что, рассматривая проблему передачи территориальных диалектов, многие теоретики переводоведения в основном делали упор на диалектизмы, то есть на лексику, и фактически ничего не писали о грамматике, хотя, безусловно, данный аспект также требует подробного анализа. Мы уже отмечали, что все процитированные нами высказывания могут быть отнесены к диалекту в целом, то есть к различным языковым уровням. О важности принятия во внимание не только единиц лексико-фразеологического уровня писал и А. В. Федоров: «поиски стилистических соответствий просторечию оригинала (в том числе всякого рода диалектизмам) можно считать одной из актуальных задач в современном творчестве советских переводчиков художественной прозы. Хотя и в практических поисках переводчиков, и в теоретических соображениях по этому поводу особый упор делается на лексику, все же сохраняют свое значение, хотя бы и подчиненное, также и грамматические средства, способные отразить в переводе окраску просторечия, в частности суффиксы субъективной оценки, синтаксические сдвиги и т.п. Проблема

просторечия, как одна из особенно сложных и в практическом, и в теоретическом отношении проблем перевода, предполагает тем более внимательный учет взаимодействия всех сторон языка, так или иначе способных отразить стилистическое своеобразие оригинала» (А. В. Федоров, 1983: 256). Ошибка, которую часто совершают неумелые или неопытные переводчики, состоит в том, что они, пытаясь передать диалект путем имитации в тексте перевода разговорной речи и тем более просторечия, чаще всего делают это исключительно за счет употребления разговорной или просторечной лексики, однако этого недостаточно. Адекватность достигается и за счет компенсации на уровне морфологии, на уровне синтаксиса, а также на фонологическом уровне (правда, значительно реже).

Из всего вышеизложенного мы можем сделать вывод, что при всей непереводаемости территориальных диалектов передать их в переводе, пусть и не в полном объеме со стилистической точки зрения, возможно. Самый распространенный способ, используемый переводчиками для решения этой задачи, – прием компенсации; компенсация в большинстве случаев осуществляется через использование просторечия, что будет продемонстрировано нами ниже на конкретных примерах.

2.1.2. Анализ рассказа Э. А. По “Why the Little Frenchman Wears His Hand in a Sling” и его перевода, выполненного И. Бернштейн

Представляется интересным проанализировать перевод рассказа Э. А. По «Почему французик носит руку на перевязи» (“Why the Little Frenchman Wears His Hand in a Sling”), выполненный И. Бернштейн. Повествование ведется от лица главного героя, ирландца, получившего титул баронета и попавшего в Лондон. Весь рассказ написан на южно-ирландском диалекте, чрезвычайно сильно отличающемся от стандартного, т. е. литературного английского языка. Принимая во внимание тесную связь территориальных и социальных диалектов, о которой говорилось выше, мы можем сделать

вывод, что переводчица имела полное право при переводе передавать именно социальный компонент диалекта. Ведь для читателя образ, созданный автором, – это образ выскочки, человека, судя по его речи, необразованного, даже темного, крайне простого, представляющего низшие слои общества. Заметим также, что в середине XIX в. (время действия рассказа) ирландский диалект с точки зрения языка стандарта и в США и в Великобритании воспринимался как просторечие. Итак, оптимальный путь для переводчицы – это передать речь героя просторечием; следовательно, главной задачей И. Бернштейн было воспроизвести живую, разговорную речь, с элементами просторечия.

И. Бернштейн воспроизвела «формальный» территориальный признак диалекта путем вставки слов «ирландец», «ирландский» там, где этих слов не было в оригинале: *ирландская топь* (с. 247), *самый красивый и счастливый ирландец* (с. 249) (в англ.: *I... left aff wid the bogthrothing to take up wid the Barronissy* (p.154); *that's the handsomest and the fortunittest young bogthrotter that ever com'd out of Connaught*) (p. 157). Таким образом, читатель получает о герое ту же информацию, что и носитель языка.

Итак, для носителя литературного английского языка фактически вся речь героя есть отклонение от нормы, причем на самых разных уровнях. Прежде чем рассмотреть данный вопрос несколько подробнее, напомним, что в нашем исследовании мы выделяем следующие языковые уровни: фонологический, лексико-фразеологический, морфологический и синтаксический. Обоснование для такой классификации предлагалось нами в 1 главе (с. 11).

Для изображения диалектальной речи героя Э. А. По в своем рассказе использует различные языковые средства, относящиеся к различным языковым уровням,

На **фонологическом уровне** (автор передает произношение героя графически): а) звуки [ʌ], [e] заменяются звуком [i]: *itmost (utmost), jist (just), (love-)litter (love-letter), nixt (next), sind (send), whither (whether)*;

б) звук [t] заменяется [θ]: *bog-throtter (bog-trotter), inthroduction (introduction), misthress (mistress)*;

в) звук [i:] заменяется [ɑ]: *crature (creature), rason(reason), swate (sweet)*.

Также звук [r] появляется там, где в стандарте его нет: *purlite (polite)*, звук [p] заменяется звуком [d]: *wid (with)*, а звук [o:] – [a:] *infarm (inform)* и т. д.

На **лексико-фразеологическом уровне** в тексте оригинала встречаются как ирландские слова и выражения (*a bog-throtter, a spalpeen, the tip o 'the mornin' to ye*), так и разговорные слова и выражения, не имеющие к диалекту никакого отношения: *a chap, a flipper, peepers, in a jiffy, to be head and ears in love with, to curl one's nose, to palaver, devil may burn me* и др.

На **морфологическом уровне**:

I wish I may be drownthed dead in the bog (p. 157),

...when up com'd the delivery servant wid an illegant card (p. 155),

"The tip o 'the mornin' to ye," says I (p. 156),

"That's all to no use, Mounseer Frog, mavoureen," thinks I (p.156),

And wid that the widdy, she gits up from the sofy, and makes the swatest curtchy nor ever was seen (p. 156),

... wud ha done your heart good to percave the illegant double wink that I gived her jist thin (p. 156),

...jist as I was making me mind whither it wouldn't be the purlite... (p. 155).

На **синтаксическом уровне** Э. А. По употребляет эмфатические конструкции, инверсию, намеренно нарушает порядок слов:

And jist wid that in com'd the little willain himself... (p. 155),

...and afther a while what he do but ask me to go wid him to the widdy... (p. 155),

Wid that we wint aff to the widdy's, nixt door, and ye may well say it was an illegant place; so it was (p.155),

...for no sooner did she obsarve that I was afther the squazing of her flipper, than she up wid it... (p. 157)

Подобных примеров в оригинале множество. Гораздо сложнее найти высказывания, которые по своей форме совпали бы со стандартом. Все это создает особый колорит и особую стилистическую тональность рассказа.

И. Бернштейн в ее переводе, на наш взгляд, удалось компенсировать неизбежные потери и достичь коммуникативного эффекта текста оригинала. Компенсация осуществлялась на разных уровнях текста: на лексико-фразеологическом уровне и на уровне синтаксиса.

На **лексико-фразеологическом уровне** текст перевода изобилует разговорными, просторечными и грубо-просторечными словами и выражениями. Например: *буркалы, вранье, писулька, плутовка, рожка, битые (полтора месяца), паршивый, балакать, видывать, зыриться, поглядеть, подарить (улыбкой), пялиться, разинуть (глаза), разобъяснить, слыхивать, таращить (глаза), наавтра, ежели* и многие другие.

Употребляются также следующие фразеологизмы: *разодетый в пух и прах, не воротить носы, вытолкать взащей, наговорить с три короба, дьявол меня заграбастай, что есть мочи* и др.

Также переводчица использовала много слов с уменьшительными суффиксами (разговорная речь, в особенности просторечие, всегда богата словами, образованными этим способом): *ангельчик (a swate little angel), вдовушка (a widdy), диванчик (a sofy), крошка (a swate little crature), ланка (a little flipper), окошко (a windy), фисгармошка (a jews harp), французик (the little Frenchman)*, и др.

Заметим, что многие из использованных ею в переводе слов, такие, как: *слыхивать, видывать, наавтра, подарить (улыбкой)*, воспринимаются как просторечные именно в наше время, на самом деле они являются лексико-словообразовательными архаизмами (такие слова отличаются от синонимичного слова современного языка только словообразовательным элементом), приобретшими оттенок разговорности, т. е. в свое время (например, в XIX в.) они были нормой.

Важно отметить, что также переводчицею были образованы намеренно искаженные слова: *мусью (Mounseer), фордыбьяно (a forty-pinny)*.

На **уровне синтаксиса** перевод характеризуется:

1) членением предложений, более свойственным просторечию и разговорной речи вообще в русском языке (у Э. А. По некоторые предложения – длиною в целый абзац). Приведем только один пример:

The truth of the houl matter is jist simple enough; for the very first day that I com'd from Connaught, and showd my swate little silf in the strait to the widdy, who was looking through the windy, it was a gone case althegither wid the heart o'the purty Misthress Tracle (p. 155). *Дело-то нехитрое вот в чем. В первый же день, как я приехал из славного Коннаута и красотка-вдовушка меня молодца в окошко на улице увидела, – тут же сердце свое мне и отдала* (с. 246).

2) в переводе в большом количестве встречаются неполные предложения, что характерно для разговорно-просторечного стиля:

The truth of the houl matter is jist simple enough (p. 155). - *Дело-то нехитрое вот в чем* (с.246).

...the little spalpeen is summat down in the mouth, and wears his lift hand in a sling (p. 154). - *У паршивца рожка кислая и левая рука на перевязи* (с.246).

...and I talked as hard and as fast as I could all the while...(p. 156) - *И тоже стал разговаривать что было мочи* (с. 248).

(Wid that I giv'd her a big wink...) and thin I wint aisy to work (p. 157). – *(Я ей в ответ подмигнул). И эдак не спеша приступаю к делу* (с. 248).

3) переводчица употребляет большое количество восклицательных предложений, как обычных, так и вводимых междометиями, а также сочинительными союзами (отметим, что предложения в оригинале не всегда восклицательные), таким образом она создает живую интонацию. Компенсация в данном случае происходит за счет усиления эмоциональности. Например:

...so I made her a bow that wud ha'broken yur heart althegither to behould (p. 155). - *Я отвесил ей поклон, да такой – вы бы видели!* (с. 247)

The ould divil himself niver behild sich a long face as he pet an! (p. 159) – *Сам дьявол никогда не видел такой вытянутой рожу!* (с. 250)

...it wud ha done your heart good to percave the illegant double wink that I gived her jist right in the face wid both eyes (p. 156). - *Ну, вы бы посмотрели, как изысканно и элегантно я ей подмигнул при этом обоими глазами прямо в лицо!* (с. 248)

Och! the tip o'the mornin' to ye, Sir Patrick (p. 154). – *Ах! Свет доброго утра вам, сэр Патрик!* (с. 247)

Och, hon! if it wasn't mesilf thin that was mad as a Kilkenny cat I shud like to be tould who it was! (p. 158) – *Ох, ну и разозлился я, не дай вам Господи!* (с. 249)

But it's the illegant big figgur that I've... and am excadingly will proportioned all over to match? (p. 155) – *А какая у меня вальяжная фигура!... А какая грация! Какое сложение!* (с. 246)

4) в некоторых предложениях используется инверсия, свойственная разговорно-просторечному стилю. Например:

Up com'd the delivery servant...(p. 155) – *Входит лакей ливрейный.* (с. 247)

Wid that we wint aff to the widdy's...(p. 155) – *...и пошли мы к вдовушке.* (с. 248)

...and thin I made sich an illegant obaysance that it wud ha quite althegither bewildered the brain o'ye. (p. 156) – *...отвешиваю ей такой изысканный, элегантный поклон, что у вас бы голова кругом пошла.* (с. 248)

Кроме того, неверно употребляются относительные местоимения при присоединении придаточных предложений, что также свойственно просторечию, правда, опять же с точки зрения сегодняшнего дня (хотя в XIX в. такое присоединение воспринималось бы как литературная норма):

...and that the houl of the divilish lingo wasthe spalpeeny long name of the little ould furrener Frinchman as lived over the way. (p. 155) - ...написано... имя и прозвище этого паршивого иностранца-французика, что через дорогу живет. (с. 247)

...and divil the bit did I comprehind what he wud be afther the tilling me at all, at all... (p. 155) – ...а я ни Боже мой не понимаю, чего лопочет... (с. 247)

Также наблюдается смешение времен (употребляется настоящее историческое), что является признаком устного повествования. Например:

First of all it was up wid the windy in a jiffy, and thin she trew open her two peepers to the itmost... (p. 154) - Вижу: она окошко торопливо распахивает, глаза разинула, таращит... (с. 247)

Если оперировать введенными нами понятиями горизонтальной и вертикальной компенсации, а также понятиями дистантной и контактной компенсации, то можно сказать, что во всех вышеприведенных примерах переводчица применяла прием контактной горизонтальной и вертикальной компенсации. Случаи применения вертикальной компенсации намного частотнее, чем случаи применения горизонтальной компенсации. Связано это с тем, что все фонетические отклонения от нормы (а автор на протяжении всего рассказа изображает графически звуковые диалектные особенности речи героя) вообще не передаются переводчицей средствами фонологического уровня.

Встречаются в переводе и случаи, когда потери в одном месте текста перевода компенсируются совсем в другом, там, где в оригинале слова, из которых состоит высказывание, могут быть и совершенно нейтральны, т. е. переводчица применяет метод дистантной компенсации (в приведенном ниже примере это дистантная горизонтальная компенсация). Например:

The ould divil himself niver behild sich a long face... (p. 159) – Сам дьявол никогда не видел такой вытянутой рожи! (с. 250)

2.1.3. Анализ романа Д. Г. Лоуренса “Lady Chatterley’s Lover” и его переводов, выполненных И. Багровым и М. Литвиновой, В. Чухно и Т. Лещенко-Сухомлиной

Еще более интересным с точки зрения выбора переводческой стратегии при передаче территориальных диалектов представляется анализ не одного, а нескольких переводов одного и того же литературного произведения, герой или героиня которого говорят на диалекте или употребляют его в своей речи. В качестве иллюстрации мы выбрали роман Д. Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей» (в переводе И. Багрова и М. Литвиновой «Любовник леди Чаттерли») и три его перевода, выполненные И. Багровым и М. Литвиновой (И. Багров переводил главы I – X, а М. Литвинова – главы XI – XIX), В. Чухно и Т. Лещенко-Сухомлиной. Очевидно, что все эти переводчики, работая с романом, наряду с трудностями, неизбежными при переводе любого произведения, в первую очередь столкнулись с проблемой передачи диалекта (причем не только территориального, но и социального).

Весь роман написан на литературном английском языке, с некоторыми вкраплениями просторечия, но один из главных героев, лесник Меллорс, а также его мать, дочь и соседский почтальон говорят на дербиширском диалекте, на что в книге есть два прямых указания:

“How could they make him an officer when he speaks broad Derbyshire?”
(p. 86)

Hilda looked up at him. “Why do you speak Yorkshire?” she said softly. – “That! That’s non Yorkshire, that’s Derby.” (p. 231)

При переводе первого из этих высказываний только один переводчик сохранил указание на географическую принадлежность диалекта, а два других решили его опустить:

– *Как ему могли дать чин, если он и говорит-то как простой мужик?*
(перевод И. Багрова) (с. 141)

– Но как его могли сделать офицером, если он говорит на этом ужасном дербиширском наречии? (перевод В. Чухно) (с. 128)

– Как они могли произвести его в офицеры, когда он говорит на таком ужасном простом наречии? (перевод Т. Лещенко-Сухомлиной) (с. 116)

Что касается второго высказывания, то в данном случае уже два переводчика сохранили указание на географическую принадлежность диалекта, а один все-таки решил его опустить:

Хильда пристально посмотрела на него. – Почему вы говорите на этом солдатском жаргоне? – мягко спросила она. – Это не солдатский, это здешний, сельский. (перевод М. Литвиновой) (с. 384)

Хильда посмотрела на него и тихо спросила: – Скажите, почему вы говорите по-йоркширски? – Я? Так вить это не по-йоркширски, а по-дербиширски. (перевод В. Чухно) (с. 331)

Хильда посмотрела на него. – Почему вы говорите по-йоркширски? – спросила она мягко. – Это не Йоркшир, это Дерби, [...]. (перевод Т. Лещенко-Сухомлиной) (с. 305)

Таким образом, русскоязычные читатели переводов В. Чухно и Т. Лещенко-Сухомлиной получают ту же информацию о географической принадлежности диалекта, что и читатель англоязычный; для читателя перевода И. Багрова и М. Литвиновой данная информация оказывается потерянной. Возможно, это и не влияет на полноту восприятия перевода, но представляется непонятным, почему переводчики вдруг превратили территориальный диалект не просто в диалект социальный, а в его узкую разновидность, а именно – в профессиональный жаргон.

Заметим, что Д. Г. Лоуренс в своем романе постоянно отмечает, что Меллорс говорит на диалекте. Вот лишь несколько примеров:

1) *His voice on the last words had fallen into the heavy broad drag of the dialect...* (p. 43)

2) *Then his voice dropped again into the broad sound of the vernacular.* (p. 45)

3) *“Ah’ m gettin’ th’ coops ready for th’ young bods,” he said, in broad vernacular. (p. 81)*

4) *She looked at him, getting his meaning through the fog of the dialect. (p. 88)*

Вот предлагаемые варианты перевода этих высказываний:

1) *Последнее слово он произнес тягуче, подражая местному говору. (перевод И. Багрова) (с. 71)*

Последнюю фразу он произнес небрежно, растягивая слова, что было характерно для местного грубоватого говора. (перевод В. Чухно) (с. 69)

Он произнес свои последние слова на грубом простонародном наречии... (перевод Т. Лещенко-Сухомлиной) (с. 60)

2) *[...] и тут же перешел на небрежный тягучий говорок: [...]* (перевод И. Багрова) (с. 74)

[...] но тут же его голос вновь зазвучал протяжно и небрежно, с той же простонародной интонацией: [...] (перевод В. Чухно) (с. 72)

Потом его голос опять стал простым и мужицким: [...] (перевод Т. Лещенко-Сухомлиной) (с. 62)

3) *– Да вот, клетками для птенцов занимаюсь, – сказал он, нарочито растягивая звуки. (перевод И. Багрова) (с. 134)*

– Вот, сколачиваю клетки для молодняка, – ответил он с преувеличенным местным акцентом. (перевод В. Чухно) (с. 122)

– Я готовлю клетки для птенцов, – ответил он на грубом, простом наречии. (перевод Т. Лещенко-Сухомлиной) (с. 110)

4) *[...] говорил он очень небрежно, глотая звуки, и Кони не сразу поняла, что он имеет в виду. (перевод И. Багрова) (с. 145)*

Он говорил небрежно, растягивая слова и глотая буквы, а она недоуменно на него смотрела, пытаясь уловить смысл сказанного сквозь туман местного диалекта. (перевод В. Чухно) (с. 131)

Она смотрела на него. (перевод Т. Лещенко-Сухомлиной) (с. 119)
(Переводчица вообще никак не характеризует речь героя.)

Из данных примеров следует, что переводчики в большинстве случаев не просто переводили текст Д. Г. Лоуренса, но и добавляли характеристику или описание диалекта от себя, пытаясь, по всей видимости, компенсировать таким образом то, что полноценно передать им, безусловно, не удалось, а именно территориальный маркер диалекта, давая читателю возможность получить «иллюзию» представления о том, как звучит речь героя.

Заметим, что способ добавления применялся и в некоторых переводах романа на испанский язык: иногда переводчики, переводя речь лесника (Меллорса), добавляли такие фразы, как: «сказал на диалекте», «добавил на своем языке», в тех местах, где в оригинале этого написано не было (М. Т. Санчес, 1999: 307).

Прежде чем приступить к анализу стратегий, выбранных переводчиками в отношении территориального диалекта, нам представляется необходимым дать краткое описание основных диалектальных особенностей речи героев.

Одно из наблюдений, которое можно сделать, проанализировав оригинал, – это то, что основные отклонения от нормы (напомним, что для носителя литературного языка любой диалект есть отклонение от нормы) встречаются на **фонологическом уровне** (автор передает произношение героя графически).

а) В первую очередь, речь идет о редукации звуков. Графически это происходит следующим образом: редуцируемая буква заменяется апострофом. Например: *an'* (*and*), *a'ready* (*already*), *a'* (*at*), *Chat'ley* (*Chatterley*), *gettin'* (*getting*), *gi'e* (*give*), *'appen* (*happen*), *'ave* (*have*)/*'ad* (*had*), *'e* (*he*), *'er* (*her*)/*'im* (*him*), *'ere* (*here*), *'ut* (*hut*), *i'* (*in*), *'t* (*it*), *ma'es* (*makes*), *messin'* (*messing*), *mornin'* (*morning*), *m'* (*my*), *nob'dy* (*nobody*), *o'* (*of*), *on'y* (*only*), *rearin'* (*rearing*), *ta'e* (*take*), *takin'* (*taking*), *th'* (*the*), *t'* (*to*), *wi'* (*with*), *'ud* (*would*) и др.;

б) звук [r] появляется там, где в стандарте его нет: *ter (to), termorrer (tomorrow), yer (you)*;

в) звук [eə] заменяется на [i:]: *theer (there), wheer (where)*;

г) звук [ʌ] заменяется на [u]: *anuther (another), luv (love), nuthink (nothing)*;

д) звук [e] заменяется на [i:]: *iver (ever), ivery (every), iverythink (everything), niver (never)*;

е) звук [ŋ] заменяется на сочетание звуков [nk]: *iverythink (everything), nuthink (nothing), somethink (something)*;

ж) употребляются усеченные формы вспомогательных глаголов в отрицательной форме: *canna (cannot), dunna (don't), isna (isn't), nedna (needn't), wouldna (wouldn't)*.

Встречаются и единичные случаи фонетических отклонений от нормы (повторим, что все такие отклонения автор передает графически): *bods (birds), cottidge (cottage), fust (first), ned (need), pleece (place), sholl (shall), thowt (thought), wik (week)* и др.

На **лексико-фразеологическом уровне** в тексте оригинала встречаются слова, принадлежащие к диалекту: *ah (I), art (are), ay (yes), min (may), nay (no), thee (you), tha (you), thysen (yourself), yo (you)* и др.

На **морфологическом уровне** встречаются следующие особенности:

а) неверное, с точки зрения стандарта, употребление глагола *to be* в прошедшем времени: “*Was yer waitn' to get it?*” (p. 88)

“*[...] I thought you was gettin' divorced.*” (p. 261)

“*[...] Taken just afore we was married, when I was twenty-one.*” (p. 187)

“*[...] Ah thowt it wor ordinary.*” (p. 88);

б) неверное, с точки зрения стандарта, употребление единственного числа глаголов с существительными во множественном числе: “*[...] On'y this time o' th' year ther's bods ter set, [...]*” (p. 89)

“*Folks always does,*” [...] (p. 116)

“*But what when folks finds out?*” (p. 116)

в) неверное, с точки зрения стандарта, употребление глагола во 2 лице единственного числа: “Ay, tha knows!” (p. 200)

“[...] But who knows what'll 'appen, once tha starts thinkin' about it!” (p. 187)

г) употребление неверной формы неправильного глагола *to know* в прошедшем времени: “[...] I hardly knowed it wor theer. [...]” (p. 188)

“I knowed I felt silk at my ankles,” [...] (p. 236)

д) неверное, с точки зрения стандарта, употребление двойного отрицания: “Sir Clifford 'adn't got no other key then?” (p. 88)

“[...] Dunna let's niver fight![...]” (p. 196)

“[...] But if your Ladyship isn't going ter take no notice o' me, then [...]” (p. 90)

е) неверное, с точки зрения стандарта, образование отрицательной формы глагола *will/would*: “[...] If yer want ter be 'ere, yo'll non want me messin' abaht a' th' time.” (p. 88)

“[...] An' your Ladyship 'd non want me tinkerin' around an' about [...]” (p. 89)

Встречаются и другие случаи отклонений от нормы на морфологическом уровне: “Well, tea-pot's in there,” [...] (p. 156) (отсутствие артикля);

“[...] It's bin theer sin' we come to this place.” (p. 187) (неверное употребление времени после “since”) и др.

На **синтаксическом уровне** можно выделить следующие особенности:

а) опущение членов предложения: “[...] Art upset because there's somebody else here?[...]” (p. 186)

“[...] There's no law says as tha's got to. [...]” (p. 162);

б) замена вопросительных предложений на восклицательные при сохранении порядка слов вопросительных предложений: “Why, are yer back a'ready!”

“[...] Why, did ever you see!” (p. 56)

“[...] *Why isn't Lady Chat'ley good to yer! [...]*” (p. 57) и др.

Важно отметить, что Д. Г. Лоуренс непоследователен в употреблении героями диалектизмов. Так, например, если говорить об употреблении прошедшего времени неправильных глаголов, то за исключением глагола *to know* все остальные такие глаголы употребляются героями в соответствии со стандартом, или не во всех словах, звук [ʌ] меняется на [u]. Также встречаются случаи, когда Меллорс, говоря на стандартном языке, вдруг допускает в своей речи отклонения от нормы. Например, с существительными во множественном числе он употребляет глаголы в единственном числе (на фоне абсолютно грамотных высказываний):

“[...] *Then there's the ones that love everything [...]*” (p. 192)

“*There is black days ahead.*” (p. 194)

“[...] *There's forget-me-nots in the right place!*” (p. 211)

“[...] *There's always complications.*” (p. 110).

Возможно, такие вкрапления отклонений от нормы в данном случае можно было бы рассматривать как элементы социального диалекта, однако, на наш взгляд, это все же элементы диалекта территориального, так как Меллорс допускал подобные отклонения в своей речи, говоря на диалекте.

Полагаем, что такая непоследовательность автора связана с тем, что он, как любой писатель, *изображает* речь героев и придает ей те особенности, которые считает необходимыми для создания колорита произведения и реалистичности картины, а также образа героя с помощью языковой личности. Его задача – не буквальное воспроизведение диалекта, а такое воспроизведение, которое не помешает читателю, скорее всего имеющему лишь самые общие представления о территориальном диалекте, понять текст, прочувствовать его и воссоздать в своем воображении ту картину, которую хотел бы создать автор.

Проанализируем последовательно три перевода романа. Первый анализируемый нами перевод – перевод И. Багрова и М. Литвиновой. Переводчики, как и И. Бернштейн, осуществляли компенсацию потерь при

передаче территориальных диалектов на разных уровнях текста: на лексико-фразеологическом, синтаксическом, а также морфологическом уровнях.

На **лексико-фразеологическом уровне** текст перевода изобилует разговорными, просторечными и грубо-просторечными словами и выражениями. Например: *баба, раззява, балдеть, гробить (себя), лалакать, мельтешить, надобиться/надобно, наладиться (в значении повадиться), понести (в значении забеременеть), потрафить, прознать, сдаваться (в значении казаться), смекать, спутаться (в значении связаться), трескаться (в значении есть), ровно (в значении совершенно), чуток, малость, чего (в значении зачем), коли (в значении если), батюшки, ба, ох, ну-ка, дескать, неужто, вишь (в значении видишь ли), (это) ж (надо), (ты) ж (посмотри), уж (не знаю), (кто) б, лады (в значении ладно), никак (в значении кажется).*

Употребляются следующие фразеологизмы: *вертеться/крутиться под ногами, все что душеньке угодно, глаз да глаз нужен, кажется – перекрестись, не лыком шиты, поди разбери, пора и честь знать, семь бед – один ответ, то густо – то пусто, чин чинарем, эка невидаль* и др.

Также переводчики использовали много слов с уменьшительными суффиксами (выше мы уже упоминали, что просторечие богато словами, образованными этим способом): *бабонька, девонька, душенька, кралечка, ласонька, работенка, гладенькая, миленькая, помаленьку, потихоньку, хорошенько, чуток.*

На **уровне морфологии** компенсация происходит, например, в случае неправильного, с точки зрения стандарта, употребления падежей местоимения *что*:

[...] but I canna tell yer.” (р. 54) – *Только чего мне говорить-то?* (с. 89)

“I mean as ’аррен [...]” (р. 88) – *Чего же понимать-то?* (с. 145)

“[...] Ah know nob ’du as ta ’es keys round ’ere.” (р. 84) – *Чего-то я не знаю, кто б из местных ключ мог смастерить* (с.138).

На **уровне синтаксиса** компенсация осуществлялась следующим образом:

1) употребляются восклицательные предложения (которые характерны для разговорной речи):

“Nay, you tinn ax ’er,” [...] (p. 54) – А поди разбери! Спросите у нее сами! (с. 89)

2) переводчики часто членили предложения (короткие предложения, как уже отмечалось, более свойственны русской разговорной речи):

“Nay, you tinn ax ’er,” [...] (p. 54) – А поди разбери! Спросите у нее сами! (с. 89)

“I mean as ’appen Ah can find anuther pleece as’ll du for rearin’ th’ pheasants. If yer want ter be ’ere, yo’ll non want me messin’ abaht a’ th’ time.” (p. 88) – Чего же понимать-то? Я найду, где фазанов растить. И я под ногами у вас вертеться не буду, [...]. (с. 145)

“On ’u as ’appen yo’d like the place ter yersen, when yer did come, an’ not me messin’ abaht.” (p. 88) – Стоит вам только захотеть – и сторожка ваша, приходите когда хотите. Я не буду под ногами крутиться. (с. 145)

“Won’t folks be thinkin’ somethink, you comin’ here every night?” (p. 116) — А что люди подумают? Дескать, чего это она наладилась сюда по вечерам? (с. 192)

“Tha loved me just now, wider than iver tha thout tha would. But who knows what’ll ’appen, once tha starts thinkin’ about it!” (p. 166) – Сейчас ты любишь. Но ведь у тебя и в мыслях не было, что полюбишь. Чего о будущем-то гадать. Начнешь думать, сомневаться... (с. 277-278)

3) в переводе в большом количестве встречаются неполные предложения:

“Why, are yer back a’ready!” (p. 56) — Никак уже возвернулась? (с. 92)

“Am Ah t’ light yer a little fire?” (p. 82) – Может, чуток подтопить? (с. 134)

“[...] I niver meant nuthink. [...]” (p. 90) – Ничего такого и в мыслях не держал. (с. 147)

“*What’s amiss wi’ thee then?[...]*”(р. 186) – *Что морду воротить?* (с. 311)

Все вышеизложенные способы компенсации являются чрезвычайно частотными и используются многими переводчиками. Однако И. Багров и М. Литвинова использовали еще один способ, а именно: передачу фонетических искажений речи при помощи графики: *леди Чатли* (вместо *Чаттерли*), *пожалте* (вместо *пожалуйста*), *тыщи* (вместо *тысячи*), *те* (вместо *тебе*).

В. Чухно в своем переводе также использовал метод компенсации на разных уровнях текста.

На **лексико-фразеологическом уровне** текст перевода изобилует разговорными, просторечными и грубо-просторечными словами и выражениями. Например: *дрянь, закавыка, логовище, притвора, середка, вкалывать, выматываться, калякать* (в значении *говорить*), *кумекать, ошиваться, пялиться, сварганить, стрястись, сыскаться, тормошиться, тужить, турнуть, понужней, супротив, попервой, впрямь, никак* (в значении *кажется*), *небось, ровно* (в значении *как будто*), *чего* (в значении *зачем*), *ежели, батюшки, навряд ли, нешто* (в значении *неужели*), *надо быть, чтоб, поди, вишь* (в значении *видишь ли*), *ага, почитай* (в значении *чуть ли не*).

Употребляются такие фразеологизмы, как: *глаза мозолить, казать нос, самый что ни на есть, сыт по горло, то густо – то пусто*, и др.

Также переводчик использовал слова с уменьшительными суффиксами: *девонька, местечко, ребяенок, близехонько* и др.

Морфологический уровень оказывается незадействованным. На **уровне синтаксиса** компенсация осуществляется следующим образом:

1) употребляются восклицательные предложения:

“*[...] I’m sure it was very good of you, but you shouldn’t ’ave bothered.*” (р. 56) – *Вы очень добры, но для вас это такое беспокойство!* (с. 87)

2) в переводе в большом количестве встречаются неполные предложения:

“*Ah'm gettin' th' coops ready for th' young bods,[...].*” (p. 81) – *Вот, сколачиваю клетки для молодняка, [...].* (с. 122)

“*Am Ah t' light yer a little fire?*” (p. 82) – *Может, разжечь огонь?* (с. 122)

“*[...] Or 'appen Ah'd better gi'e 't yer termorrer, an' clear all th' stuff aht fust. [...]*” (p. 88) – *А то, может, оставить его у себя до завтрава, чтоб попервой убраться в лачуге и выкинуть оттудова всякую дрянью?* (с. 132)

“*Shall y'ave something? [...] Shall y'ave a cup of tea? [...].*” (p. 156) – *Не хочешь составить мне компанию? [...] Могу угостить тебя чаем.* (с. 229)

В. Чухно, так же, как и И. Багров и М. Литвинова, использовал в своем переводе способ передачи фонетических искажений речи при помощи графики: *леди Чатлей* (вместо *Чаттерлей*), *штоль* (вместо *что ли*), *кажная* (вместо *каждая*), *вить* (вместо *ведь*).

Интересно также отметить, что переводчик также использовал редуцированные формы слов (употребление редуцированных форм характерно для просторечия): *всяк* (вместо *всякий*), *не* (вместо *нет*).

Заметим также, в одном случае В. Чухно использовал слово *ноне*, которые в словаре Т. Ф. Еремовой (Т. Ф. Ефремова, 2005) имеет помету «местное». В то же время словарь С. И. Ожегова (С. И. Ожегов, 1953) вообще не дает такого слова. Если В. Чухно также относил данное слово к русским диалектизмам, то, возможно, он счел, что вкрапление такого рода слов (пусть и единичное) будет являться одним из способов компенсации потерь при передаче территориального диалекта. На наш взгляд, этот способ не является удачным, так как приводит к определенной русификации высказываний, которую необходимо избежать.

Что касается перевода романа, выполненного Т. Лещенко-Сухомлиной, то можно с уверенностью утверждать, что переводчица практически не использовала прием компенсации при передаче территориального диалекта. За исключением всего нескольких разговорных слов, таких, как: *девчонка*, *нету*, *немножко*, *чего* (в значении *зачем*), *чтоб*, *б* (вместо *бы*), *хоть* (вместо

хотя), речь героев передана переводчицей при полном соблюдении литературной нормы. Вообще данный перевод изобилует буквализмами, переводчица не только практически дословно переводит текст оригинала, но и сохраняет полностью английский синтаксис и даже пунктуацию. Читатель может понять, что некоторые герои говорят на диалекте только благодаря словам автора: «...он произнес свои слова на грубом, простонародном наречии» и т.п.

Если же анализировать два предыдущих перевода, то можно сделать следующие выводы.

Во-первых, из приведенных выше примеров следует, что в рамках перевода одного высказывания компенсация осуществлялась на разных уровнях, чаще всего сразу на нескольких, а не на каком-то одном (т. е. была горизонтальной контактной).

“Won’t folks be thinkin’ somethink, you comin’ here every night?” (p. 116) — *А что люди подумают? Дескать, чего это она наладилась сюда по вечерам?* (с. 192) (Компенсация осуществляется на лексико-фразеологическом и синтаксическом уровнях.)

“Why, are yer back a’ready!” (p. 56) — *Никак уже возвернулась?* (с. 92) (Компенсация осуществляется на лексико-фразеологическом и синтаксическом уровнях.)

“Am Ah t’ light yer a little fire?” (p. 82) — *Может, чуток подтопить?* (с. 134) (Компенсация осуществляется на лексико-фразеологическом и синтаксическом уровнях.)

“[...] Or ’appen Ah’d better gi’e ’t yer termorrer, an’ clear all th’ stuff aht fust. [...]” (p. 88) — *А то, может, оставит его у себя до завтрава, чтоб попервой убратся в лачуге и выкинуть оттудова всякую дрянь?* (с. 132) (Компенсация осуществляется на лексико-фразеологическом и синтаксическом уровнях.)

Во-вторых, на наш взгляд, можно говорить о том, что диапазон способов применения приема компенсации И. Багровым и М. Литвиновой

гораздо шире, чем диапазон В. Чухно. В отличие от него переводчики очень часто обращались к синтаксическим способам, в то время как В. Чухно основной упор сделал на лексику, то есть на лексико-фразеологический уровень. Герои в его переводе говорят преимущественно правильно, «нейтрально» строят предложения, насыщая их при этом разговорной, просторечной или грубо-просторечной лексикой.

Из анализа разобранных примеров следует также, что при передаче территориальных диалектов чаще всего компенсация осуществляется на уровне лексики, однако чем качественней перевод, тем больше в нем будут задействованы единицы других уровней.

Что касается видов компенсации, то чаще всего прием вертикальной компенсации применяется при передаче фонетических особенностей территориальных диалектов, так как использовать фонетические особенности языка перевода большинству переводчиков представляется нецелесообразным (объяснение этому было дано в начале данной главы). Из приведенных выше примеров видно, что переводчики практически не передавали такие особенности при помощи единиц фонетического уровня. В некоторых случаях это делал В. Чухно, и на примере его перевода видно, что иногда выбор такой стратегии приводит к русификации.

Из анализа также следует, что в первую очередь переводчики применяют прием контактной компенсации (как горизонтальной, так и вертикальной), однако отметим, что И. Багров и М. Литвинова применяли также прием дистантной компенсации, то есть передавали элементы территориального диалекта, утраченные при переводе и в других местах текста, а именно там, где герои говорят на стандартном языке. Вот пример дистантной вертикальной компенсации:

“(Being a game-keeper, no! So long as I’m left alone.) But when I have to go messing around at the police station, and various other places, and waiting for a lot of fools to attend to me... oh well, I get mad...” (p. 157) – *(Неприятно? Отнюдь. При условии, что я сижу здесь в лесу и до меня никому нет дела.) А*

вот ежели приходится торчать в присутственных местах и ждать, когда тебя одарит своим вниманием всякая сволочь, тогда я... Тогда я бешусь... (с. 263)

В данном случае речь идет о компенсации на лексико-фразеологическом и синтаксическом уровнях (использование при переводе сниженных лексических единиц, неполных предложений).

Вот пример дистантная горизонтальной компенсации:

But I've got to work, or I should die. (р. 157) – *Но мне надо работать, иначе я с тоски подохну.* (с. 264) (Компенсация применяется на лексико-фразеологическом уровне, и сниженным *подохнуть* передается нейтральное *die*.)

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что проведенный нами анализ показал, что именно регулярное, а не разовое употребление самых разных стилистически сниженных высказываний на разных уровнях текста (и на уровне морфологии, и на уровне синтаксиса, и на лексико-фразеологическом уровне) воссоздает в переводе необходимый стилистический эффект текста оригинала. В качестве способа воспроизведения диалектной речи в переводе преимущественно используется просторечие (опять же на всех уровнях текста), т. е. передается исключительно социальный компонент диалекта, который заменяет его территориальный признак.

2.1.4. Иные стратегии компенсации при передаче территориального диалекта в переводе

Несмотря на то, что стратегия компенсации передачи территориального диалекта через просторечие является наиболее распространенной, безусловно, существуют другие, пусть и менее частотные, способы его передачи.

Так, А. Сафронов в своем переводе романа Т. Шарпа (T. Sharpe) “The Wilt Alternative” («Альтернатива Уилта»), передавая ирландский диалект,

пошел по следующему пути. Им был задействован и **лексико-фразеологический уровень**: в обращениях использованы грубо-просторечные *гад, засранцы, свинья*, но упор он сделал на компенсацию на **фонологическом уровне**, вводя в речь героя фонетические искажения, отражающие индивидуальные особенности произношения: *шмотри, полжючий, приштрелим, воцъми, мамощка, вернутша* и т. д. (с. 195). Заметим, что подобная стратегия представляется менее предпочтительной, так как читатель получает неверное представление о герое, как о человеке с речевыми дефектами, а не как о человеке, говорящем на диалекте.

Заметим, что В. Гусев, также переводивший этот роман (в его переводе «Уилт непредсказуемый» пошел по традиционному, и как мы полагаем, предпочтительному, пути, т. е. передал территориальный диалект просторечием. Причем сделано это им было на разных уровнях.

На **фонологическом уровне** переводчик образовал новое слово, пытаясь сымитировать неверное, с точки зрения стандарта, произношение слова *реакционер*: *рикцианер*.

На **лексико-фразеологическом уровне** им употребляются просторечные и грубо-просторечные слова: *спиногрызы, кокнуть, нагореть (за телефон), во (вместо вот), ну*.

На **уровне синтаксиса** переводчик достигает эффекта разговорности за счет употребления вставных конструкций разговорного характера: *стало быть, это самое*. Кроме того, широко используются неполные предложения, что также характерно для просторечия и разговорной речи:

В общем, придется, это самое, кокнуть эту барышню (с. 326).

Сионистам, собакам, тоже последнее предупреждение (с. 326).

Ну покедова, а то за телефон много нагорит (с.326).

Таким образом, мы видим, что переводчик при передаче территориального диалекта задействовал все языковые уровни, за исключением уровня морфологии.

Отметим, что проанализированный нами фрагмент представляет собой совсем небольшой отрывок текста (всего лишь несколько реплик).

Столкнулся с проблемой передачи территориального диалекта и В. Ланчиков, переводивший роман А. Байет “Possession. A Romance” («Обладать. Романтический роман»):

“Lord Tennyson was a bit of a sloppy old thing too, on the whole, though he wrote some not bad things about Lincolnshire dialect. Not a patch on Mabel Peacock though. She really could hear Lincolnshire speech. Marvellous story about a hedgehog. Th’orchin ‘at wasn’t niver suited wi’ nowt. Listen to this then. “Fra fo’st off he was werrittin’ and witterin’ an sissin’ an spittin’ perpetiwel.” That’s real history that is, words that are vanishing daily.” (pp. 88-89)

– Лорд Теннисон – тот тоже, бывало, потоку разводил, но вещицы на линкольнширском диалекте у него недурны. Хотя до Мейбл Пикок ему далеко. Вот у кого был слух на линкольнширскую речь! История про ежа просто чудо, «Ежок-нидоволь». «А ежок-от знай ершитя да гомозитя, фыркает да швыркает...» Нынче это уже история, нынче такие слова забываются. (с. 102-103)

Мы видим, что герой обращает особое внимание на то, что это территориальный диалект, так что ограничиться обычными способами передачи просторечия было нельзя. Переводчик просто «сгустил» его. Слова *недоволь*, *гомозитяся*, *швыркать* есть в словаре В. И. Даля, но помечены как принадлежность **разных** русских территориальных диалектов. Напомним, что такую же стратегию выбрал Н. Любимов при переводе романа «Мадам Бовари», введя в перевод, например, слово «зеленя», которое сложно отнести к какому-либо конкретному территориальному диалекту. Заметим, что В. Ланчиков в своем переводе не ограничился компенсацией через передачу разных диалектизмов, но компенсировал потери при передаче диалекта в том числе и использованием лексико-грамматических средств: «знай... да... -от». Такая стратегия «смещения» встречается не часто, видимо, потому, что переводчики опасаются аллюзий на местные диалекты и идут по

традиционному пути, хотя в данном случае он действительно представляется менее предпочтительным в силу вышеизложенных причин.

2.2. Стратегии компенсации при передаче социальных диалектов в переводе

2.2.1. Негритянская речь как этносоциальный диалект

Во многих переводоведческих работах рассматривались особенности передачи таких социальных диалектов, как профессиональных диалектов, жаргонов (арго), сленга. Главной рекомендацией тех, кто так или иначе рассматривал этот вопрос, было следующее: передавать социодиалект просторечием (А. В. Федоров, 1983; С. Влахов, С. Флорин, 1986; В. Н. Комиссаров, 2000 и др.), хотя, конечно, если речь идет о профессиональных диалектах, следует подбирать элементы в том числе и из языковых единиц, используемых данными профессиями. Мы разделяем точку зрения многих авторов, согласно которой «все эти категории (арго, жаргон, профессионализмы, сленг) в конечном счете тесно связаны с просторечием и нередко отождествляются с ним или переходят в него. Следовательно, при отсутствии соответствий или функциональных аналогов переводчик может прибегнуть к просторечию, которое и придаст переводимому тексту необходимую характеристику отклонения от литературной нормы» (С. Влахов, С. Флорин, 1986: 323). В данном случае авторы говорят о русском языке, но сложности с передачей социальных диалектов возникают у переводчиков, работающих и с другими языками. Так, об этом пишет Р. Асборн, который анализирует перевод на французский язык рассказов П. Г. Вудхауза, выполненный переводчиками Фонколомб. Автор приводит мнение носителя французского языка, который считает, что перевод любого произведения этого автора не может быть действительно качественным. Одна из причин, по его мнению, такова: «Во французском языке не

существует эквивалентов тем *слоям* (курсив автора – М. Я.) сленга, которые используются Вудхаузом. Во Франции нет высшего среднего класса, схожего с тем слоем в Англии, представители которого окончили привилегированную школу; кроме того, сленг французского студенчества регионален и очень быстро меняется» (R. Usborne, 1978: 257).

Несмотря на то что, как было замечено, вопрос передачи социальных диалектов анализировался многими переводоведами, практически никто не рассматривал чрезвычайно сложную проблему передачи негритянской речи (чрезвычайно распространенной формы существования английского языка), которую многие лингвисты также относят к социальным диалектам. На наш взгляд, она представляет собой очень яркий пример не столько социального, сколько этносоциального диалекта, так как реализуется через единицы всех уровней, а не только через лексико-фразеологические единицы, что обычно свойственно социальным диалектам (в отличие от территориальных). Чем больше языковых уровней мы сможем задействовать в своем анализе, тем полнее мы сможем описать проблему передачи социальных диалектов. Кроме того, негритянская речь является одним из наиболее частотных социальных диалектов, встречающихся в англоязычной художественной литературе, поэтому ее анализ важен и показателен.

Существуют разные мнения относительно того, к какой разновидности языка относится негритянская речь. Очевидно, что ее нельзя назвать территориальным диалектом (ведь чернокожие проживают на всей территории США), но и к социальным диалектам, если пользоваться классификацией М. М. Маковского, отнести ее также нельзя: это не профессиональные диалекты, не жаргоны (арго) (ведь негров вряд ли можно назвать отдельной социальной группой), не сленг. Все же существует мнение, что к социальным диалектам относятся «также варианты общенародного языка, характерные для определенных экономических, кастовых, религиозных и т. п. групп населения» (ЛЭС, 1990: 133).

Согласно Р. И. Макдэвиду, социальный диалект есть «принятый в данном обществе субвариант речи, который благодаря действию определенных общественных сил является характерным для определенных этнических, религиозных и экономических групп или групп индивидуумов с определенным уровнем и типом образования. Вообще, чем большее предпочтение отдается какому-либо из субвариантов в данном обществе, тем большее различие обнаруживается между ним и его менее удачливыми соперниками. Нет ни одного общества, где бы не было социальных диалектов, но в целом можно сказать, что чем меньше местных классовых барьеров, тем труднее найти подлинно классовые различия, в том числе и в речи» (Р. И. Макдэвид, 1975). Если отталкиваться от данного определения, то действительно можно говорить о «социальности» негритянского диалекта.

О его социальности пишет и А. Д. Швейцер: «Так, социальная и географическая мобильность населения существенно видоизменяют классическую структуру территориальных диалектов, приводя к их «социализации», т. е. к превращению их в социально-территориальные диалекты определенных социальных и социодемографических групп сельского населения. Такая ситуация характерна, в частности, для Англии и Соединенных Штатов. [...] В прошлом один из территориальных диалектов южных штатов, диалект американских негров (Black English) в результате массовой миграции негритянского населения на север и запад страны, а также его урбанизации [...] стал диалектом этносоциальным, лишенным локальной маркированности.» (А. Д. Швейцер, 1982).

Мы разделяем мнение А. Д. Швейцера, что негритянская речь – не социальный диалект в чистом виде, и скорее говорим об этносоциальном диалекте. Негритянское население – это достаточно изолированная группа, представляющая своего рода субкультуру, язык которой, безусловно, отличается от стандартного английского языка. «Существование [таких] языковых различий естественно и понятно и в историческом, и в социальном, и в лингвистическом контексте. [...] И когда группа изолируется и не

допускается куда бы то ни было, она живет и развивается по-другому, что приводит и к увеличению языковых различий» (W. Wolfram, 1998: 104).

В. И. Карасик также понимает негритянскую речь как «социолект» и «социально-этнический диалект» (В. И. Карасик, 1992) и пишет о том, что «в США принадлежность к низкому социальному слою общества ассоциируется с особенностями негритянского произношения» и «в социолингвистическом плане этот вариант языка является показателем низкого социального статуса его носителей» (там же).

Можно говорить и о схожести негритянской речи с другой разновидностью социальных диалектов, а именно – арго, как его понимает В. Д. Бондалетов (условный язык), если рассматривать ее как некий тайный язык. «Концепция «двойных смыслов» как одного из краеугольных камней культурного дискурса черных американцев сейчас весьма распространена в кругах афроамериканистов. Собственно говоря, само существование в среде американских негров двух систем коммуникации – для «внутреннего» и для «внешнего» употребления – давно известное явление. [...] Своего рода вербальным эквивалентом маски становится негритянский диалект – переход к нему от нормативной речи и обратно, т. е. «сознательное переключение лингвистических кодов», вполне сравним с процессом надевания и снятия маски. Применение особых приемов «шифровки» можно в этом контексте рассматривать как «лингвистический процесс выживания» (Н. А. Высоцкая, 1995).

О двух системах коммуникации пишет и Дж. Смитерман: «на черном английском говорят афроамериканцы всего классового спектра; чернокожие представители среднего класса развили навыки смены кода (то есть перехода с черного на белый английский), в то время как чернокожие трудящиеся и нетрудящиеся классы обычно этим навыком не владеют» (Дж. Смитерман, 1991).

Существуют и крайне резкие высказывания, касающиеся негритянского диалекта. Иногда негритянскую речь даже называют

«ужасный диалект английского языка», «язык-мутант», «сленг дна», «жаргон беднейших районов Америки», «диалект отбросов, жаргон уличных бандитов, вид пиджин инглиш, свидетельствующий о несостоятельности афроамериканцев» (G. Nunberg, 2001: 118). Люди, придерживающиеся подобных взглядов, не обращают внимания на мнение лингвистов, настаивающих на том, что негритянская речь «на самом деле чрезвычайно системна (а отсутствие четких правил орфографии неудивительно в такой разновидности языка, которая редко отображается на письме)» (там же: 119). (Заметим, что во всех этих резких замечаниях существует сходство: негритянская речь понимается как социолект. Об этом свидетельствует то, что она называется жаргоном или сленгом, которые являются разновидностями социальных диалектов.)

В то же время с такой точкой зрения согласны не все: существует мнение, что в языке действует «принцип лингвистической неполноценности, согласно которому речь социально подчиненной группы всегда будет считаться не отвечающей требованиям стандарта по сравнению с речью социально доминирующей группы» (W. Wolfram, 1998: 104).

2.2.2. Анализ рассказов О. Генри «A Municipal Report», «Jeff Peters as a Personal Magnet», а также «Thimble, Thimble» и их переводов, выполненных И. Кашкиным, К. Чуковским и С. Лихачевой

Негры, будучи одной из основных этнических групп страны, выступают персонажами многих произведений американской художественной литературы.

Очевидно, что негритянская речь – это речь сниженная, кардинальным образом отличающаяся от стандартного, кодифицированного языка, в связи с этим оптимальным способом ее передачи в переводе нам представляется компенсация неизбежных переводческих потерь за счет использования разговорной речи и просторечия, особенно когда мы говорим о переводе

художественных произведений, действие которых разворачивается в XIX веке, когда негритянское население только получило свободу от рабства. Понятно, что уровень образования и культуры был у него крайне низким, что, конечно, нашло свое отражение в языке.

Описывая стратегии переводчиков при передаче территориальных диалектов, мы использовали следующие виды анализа: 1) одно произведение – один перевод; 2) одно произведение – три перевода. В этом разделе нам представляется интересным рассмотреть, как три разных переводчика, переводя три разных произведения, решили проблему передачи негритянской речи, при этом переводили они все одного автора, а именно О. Генри.

В качестве источника для анализа мы взяли оригиналы и переводы трех рассказов О. Генри: *Jeff Peters as a Personal Magnet* («Джефф Питерс как персональный магнит» в пер. К. Чуковского), *A Municipal Report* («Муниципальный отчет» в пер. И. Кашкина) и *Thimble, Thimble* («Игра в наперстки» в пер. С. Лихачевой). Руководствуясь схемой, примененной нами выше при анализе стратегий, мы вначале дадим краткое описание основных особенностей негритянской речи, которые автор отразил в своих произведениях.

Основное наблюдение, которое можно сделать, прочитав рассказы на языке оригинала, – это то, что основные отклонения от нормы встречаются на **фонологическом уровне**.

а) В первую очередь речь идет о редукции звуков. Графически это происходит следующим образом: редуцируемая буква заменяется апострофом: *comin'* (*coming*), *demandin'* (*demanding*), *'scuse* (*excuse*), *gen'lemen* (*gentlemen*), *jes/jus'* (*just*), *lef'* (*left*), *mawnin'* (*morning*), *nothin'* (*nothing*), *sayin'* (*saying*), *tryin'* (*trying*), *Vi'ginia* (*Virginia*) и др.;

б) звук [p] заменяется звуком [d]: *dat* (*that*), *de* (*the*), *dis* (*this*);

в) звук [o:] заменяется звуком [o]: *mo'* (*more*), *No'th* (*North*), *po'* (*poor*), *reso'ces* (*resources*).

Встречаются и единичные случаи фонетических отклонений от нормы: *ax (ask), gwine (going), marse/marster (master), obleeged (obliged), puffeckly (perfectly), suh (sir)* и др.

На **лексико-фразеологическом уровне** в тексте оригинала встречается много слов, которые, например словарь Collins (Collins, 2006), дает с пометой *informal* (т. е. эти слова можно рассматривать как сниженные): *ain't, howdy, ma, Missus*.

Встречается очень много отклонений от нормы на **морфологическом уровне**, отклонений на синтаксическом уровне не наблюдается:

1) употребление неверных форм неправильных глаголов в прошедшем времени: *you 've growed*,

I knowed you;

2) неверное, с точки зрения стандарта, употребление форм глагола *to be* (как в настоящем, так и в прошедшем времени):

[...] you was [...]

[...] Massa Banks am powerful bad off [...]

[...] you is de gen'l'man [...];

3) неверное, с точки зрения стандарта, употребление единственного числа глаголов с существительными во множественном числе:

The other gen'lemen resembles you mightily [...]

[...] few folks ever has business out there [...]

You gen'lemen is tryin' to have fun [...]

The seats is clean [...];

4) неверное, с точки зрения стандарта, употребления глагола в 1 лице единственного числа: *I needs, I knows, I has, I sees* и т. д.

Все три переводчика по-разному подошли к решению проблемы передачи негритянской речи. Так, К. Чуковский, ориентируясь на русскую литературную традицию, в своем переводе рассказа «Джефф Питерс как персональный магнит» пошел по следующему пути: он искажил речь персонажа с **грамматической** точки зрения, т. е. сделал ее аграмматичной,

например, из существительного мужского рода сделал существительное женского рода и согласовал его с глаголом прошедшего времени женского рода:

“Boss,” says he. “Doc Hoskins am done gone twenty miles in the country [...], and Massa Banks am powerful bad off [...] (p. 89) – *Ах, господин, – говорит дядя Том, – доктора Хоскинса уехала из города за двадцать миль [...], а судья Бэнкса очень плоха [...]*. (с. 167)

Итак, К. Чуковский пошел по пути изображения негритянской речи речью безграмотной (с точки зрения стандарта), как было сказано выше аграмматичной. Тем не менее, нам представляется, что это не самый лучший способ перевода, так как аграмматичная речь в русском языке свойственна людям, речь которых не соответствует общепринятой литературной норме и несмотря на то, что негритянская речь – тоже не литературная норма, в случае с афроамериканцами мы говорим не о людях, чья речь далека от стандарта, а о людях с неким языком, в котором (как и в территориальных диалектах) есть свои нормы. Все же если точно обозначить тот метод компенсации, который использовал К. Чуковский, то можно говорить о контактной горизонтальной компенсации.

И. Кашкин пошел по другому пути: **на фонологическом уровне** он заменил слово «сэр» на «сар», а также попытался компенсировать потери при переводе на **уровне синтаксиса** (правда, лишь в одном месте), разбив чрезвычайно длинное предложение в тексте оригинала на короткие предложения в переводе (короткие предложения более свойственны русской разговорной речи):

“Boss,” he said, “fifty cents is right; but I needs two dollars, suh; I’m obleeged to have two dollars. I ain’t demandin’ it now, suh; after I knows whar you’s from; I’m jus sayin’ that I has to have two dollars to-night and business is mighty po’.” (p. 244) – *Сар, – сказал он, – пятьдесят центов правильная плата, только мне нужно два доллара, обязательно нужно два доллара. Не то чтобы я требовал их с вас, сар, раз уж я знаю, что мы с вами с Юга. А*

только я так говорю, что мне обязательно надо два доллара... А седоков нынче мало. (с. 98)

В данном переводе встречаются также единичные вкрапления отклонений от нормы на **лексико-фразеологическом уровне**: *нынче, уж*.

Итак, И. Кашкин практически никак не компенсирует потери при передаче негритянской речи, за исключением компенсации на фонологическом уровне и единичного применения приема компенсации на уровне синтаксиса. В первом случае, как и в случае с переводом К. Чуковского, речь идет о контактной горизонтальной компенсации. Что касается компенсации на уровне синтаксиса, то это уже контактная вертикальная компенсация.

Что касается перевода С. Лихачевой, то диапазон способов применения приема компенсации ею шире, чем у К. Чуковского и И. Кашкина. Переводчица пытается задействовать практически все языковые уровни: фонологический, лексико-фразеологический и синтаксический.

На **фонологическом уровне** переводчица образовала намеренно искаженные слова: *жентмуны, миссус, здрасть (здравствуйте)*.

На **лексико-фразеологическом уровне** текст перевода изобилует разговорными и просторечными словами: *малец, штука* (в значении *выходка, проделка, трюк, фокус, хитрость, уловка*), *надувать* (в значении *обманывать*), *наказать* (в значении *дать наставление*), *потешиться, сдаваться* (в значении *думать, казаться*), *смекать, черкнуть, куда как* (в значении *очень*), *один-одинешенек, вот, дескать, небось, ж* (вместо *ж*), *уж, кабы*. (Значения приводятся по словарю Т. Ф. Ефремовой (Т. Ф. Ефремова, 2005); в этом словаре все данные слова имеют помету *разг.*)

Кроме того, переводчица использовала слова с уменьшительными суффиксами: *годочки, тучочки*.

На **уровне синтаксиса** переводчица пытается компенсировать потери при переводе путем употребления восклицательных предложений там, где в оригинале предложения повествовательные.

“You gen’lemen is tryin’ to have fun with the po’ old nigger. But you can’t fool old Jake.” (p. 375) – *Вы, жентмуны, надумали потешиться над бедным старым ниггером! Да только старого Джейка не проведешь!* (с. 598)

Больше на уровне синтаксиса прием компенсации не применяется: например, переводчица сохраняет то же членение предложений, что и в оригинале, хотя для разговорной речи, которую она пытается сымитировать, более характерны короткие предложения. Например:

“You was a po’ skimpy little boy no mo’ than about fo-teen when you lef’ home to come No’th; but I knowed you the minute I sot eyes on you.” (p. 375) – *Тоцим мальцом вы были, четырнадцати годочков от роду, когда покинули дом родной и укатили на Север; да только я вас признал, вот как только увидел.* (с. 598-599)

“The other gen’lemen resembles you mightily, suh; but you can’t fool old Jake on a member of the Old Vi’ginia family.”(p. 375) – *Второй джентльмен на вас куда как похож, сэр, да только старого Джейка не надуешь, жентмуна из старого виргинского семейства он ни с кем не спутает.* (с. 599)

Несмотря на то, что С. Лихачева применяет прием компенсации гораздо шире, чем два других переводчика, используя преимущественно компенсацию вертикальную (преимущественно контактную), все-таки и ее перевод не передает всех особенностей негритянской речи и речь персонажа-афроамериканца в ее переводе звучит неестественно, а иногда и нелогично. Так, например, непонятно, почему Джейк говорит нормативное «джентльмен» и в этом же предложении искаженное «жентмун». Также в тексте перевода встречаются разностилевые элементы. Например, рядом с книжным «семейство» встречается архаично-просторечное «куда как похожа», рядом с архаичным «потешиться» – современное «ниггер». Это разрушает органичность речи персонажа.

2.2.3. Анализ фрагментов романа М. Твена “The Adventures of Huckleberry Finn” и их переводов, выполненных Н. Дарузес и В. Ранцовым

Нам представляется особенно интересным проанализировать несколько переводов одного и того же литературного произведения, герой или герои которого говорят на негритянском диалекте. В качестве иллюстрации мы выбрали примеры из романа М. Твена «Приключения Гекльберри Финна» и двух его переводов, выполненных Н. Дарузес и В. Ранцовым.

В начале романа автор дает объяснение, в котором говорит, что «в этой книге использовано несколько диалектов, а именно: негритянский диалект штата Миссури, самая резкая форма захолустного диалекта Пайк-Каунти, а также четыре несколько смягченных разновидности этого последнего» (перевод Н. Дарузес). Очевидно, что переводчики столкнулись с невозможностью передать все эти разновидности (и, вероятно, именно поэтому В. Ранцов не дает перевода этого объяснения).

В качестве объекта анализа мы выбрали речь одного из главных героев романа, а именно – негра Джима. Изучив оригинал, можно сделать вывод, что речь Джима фактически не отличается от речи кучера из рассказа О. Генри «Муниципальный отчет», дядюшки Джейка из рассказа «Игра в наперстки» и дяди Тома из рассказа «Джефф Питерс как персональный магнит», что и понятно, ведь все они говорят на негритянском диалекте. В речи Джима основные отклонения от нормы также встречаются преимущественно на **фонологическом** (автор передает фонетику при помощи орфографии) и **морфологическом уровне**: «В подлиннике вся его речь богата отклонениями от нормы. На каждую сотню произнесенных им слов приходится (я подсчитал) четыре десятка таких, которые резко нарушают все нормы грамматики» (К. И. Чуковский, 1988: 132). Для анализа мы взяли на рассмотрение два достаточно крупных фрагмента речи героя, в которых можно выделить некоторые особенности негритянской

речи (все они, само собой разумеется, характерны для его речи на протяжении всего романа), а именно: монолог Джима, посвященный отцу Гека и рассказ Джима о своем побеге, а также фрагмент, в котором Джима разыгрывают мальчишки. Если говорить о **фонологическом уровне**, то в первую очередь можно выделить следующие особенности:

а) редукция звуков. Как мы уже отмечали выше, это происходит следующим образом: редуцируемый звук заменяется апострофом (в начале, середине или же конце слова): *'bout (about), 'way (away), 'em (them), b'long (belong), didn', doan', en (and), res' (rest), arisin' (arising), hoverin' (hovering), killin' (killing), roun' (round), fren' (friend), ghos' (ghost), islan' (island)* и др.;

б) звук [p] заменяется звуком [d]: *dah (there), dat (that), de (the), dey (they), dis (this), wid (with)*;

в) звук [o:] заменяется звуком [o]: *yo' (your), po' (poor), do' (door), sho' (shore), mo' (more)*;

г) звук [i] заменяется на звук [e]: *ben (been), ef (if), resk (risk), set (sit), tell (till)* и наоборот звук [e] в некоторых случаях заменяется на звук [i], как например в словах *git (get), agin (again)*.

Встречаются также единичные случаи отклонения от нормы: *alwuz (always), ole (old), a'nuffn/sumfn'/nuffin (anything/something/nothing)* (в последнем случае звук [ə] заменяется на звук [f]), *gwyne (going), kin (can)* и др.

На **лексико-фразеологическом уровне** отклонений от нормы встречается не так много, однако можно привести следующие примеры: *Missus, ain't, hain't*.

На **морфологическом уровне** можно говорить о следующих отклонениях от нормы:

1) неверное, с точки зрения стандарта, употребления глагола в 1 и 2 лице единственного числа: *Well, I knows what I's gwyne to do* (p. 14)

So I says [...] (p. 26)

[...] *en dey knows I goes off wid de cattle [...]* (p. 51)

You go en git in de river agin, whah you b'longs (p. 48)

I's gwyne to set down here and listen tell I hears it agin (p. 14);

2) неверное, с точки зрения стандарта, употребление форм глагола *to be* (как в настоящем, так и в прошедшем времени): *I's gwyne to set down here tell I hears it agin*. (p. 14)

But you is all right. (p. 26)

[...] *you's killed* (p. 49)

I knowed dey was arter you (p. 51);

3) употребление неверных форм неправильных глаголов в прошедшем времени:

I knowed dey was arter you, a также run (вместо *ran*), *come* (вместо *came*), *begin* (вместо *began*), *done* (вместо *did*);

4) неверное, с точки зрения стандарта, употребление двойного отрицания: *I couldn't git nuffin' else* (p. 49)

So dey didn' none uv us git no money (p. 53);

5) смешение времен при рассказе о прошлом: *Well, one night I creeps to de do', pooty late, en de do' warn't quite shet, en I hear ole missus tell the wider she gwyne to sell me down to Orleans [...]* (p. 50);

6) пропуск вспомогательного глагола: *How long you ben on de islan'?* (p. 49)

[...] *en I hear ole missus tell the wider she gwyne to sell me down to Orleans [...]* (p. 50).

На синтаксическом уровне встречаются случаи опущения сказуемого:

Who dah? (p. 14)

Dog my cat ef I didn' hear sumf'n; (p. 14)

Н. Дарузес и В. Ранцов в своих переводах по-разному подошли к решению проблемы передачи негритянской речи, при этом оба они осуществляли компенсацию потерь при ее передаче на двух уровнях текста:

на лексико-фразеологическом и грамматическом, не затрагивая вообще фонологический уровень.

На **лексико-фразеологическом уровне** текст перевода Н. Дарузес в достаточной степени насыщен разговорными, просторечными и грубо-просторечными словами и выражениями. Например: *дрянь, папаша, свинство, хибарка, быть на роду написано, дать тягу, стянуть* (в значении *украсть*), *улизнуть, шататься* (в значении *бродить*), *вправду, нету* (вместо *нет*), *уж* (вместо *уже*), *кабы, чтоб* (вместо *чтобы*), *ж* (вместо *же*), а также междометия *да, ну* и др.

На **уровне морфологии** компенсация происходит, например, в случае неправильного, с точки зрения стандарта, употребления падежей местоимения *что*:

Значит, можно раздобыть чего-нибудь и получше земляники. (с. 235)
(*Den we kin git sumfn' better den strawbries.* (p. 49))

Заметим, что, как и во всех рассмотренных выше переводах, здесь компенсация широко осуществлялась на **уровне синтаксиса**:

1) употребляются восклицательные предложения (характерные для разговорной речи):

Dog tu cat ef I didn' hear sumf'n. (p. 14) – *Ведь я все слышал, свинство какое!* (с. 204)

I reck'n I could eat a hoss. I think I could. (p. 49) – *Просто лошадь съел бы! Верно, съел бы.* (с. 235)

2) в переводе в большом количестве встречаются неполные предложения:

I's gwyne to set down here and listen tell I hears it agin. (p. 14) – *Ладно, я знаю, что мне делать: сяду и буду сидеть, пока опять что-нибудь не услышу.* (с. 204)

Sometimes he spec he'll go 'way, en den agin he spec he'll stay. (p. 26) – *То думает, что уйдет, а другой раз думает, что останется.* (с. 215)

Sometimes you gwyne to git hurt, en sometimes you gwyne to git sick; but every time you's gwyne to git well again. (p. 26) – Иной раз и биты будете, будете болеть, но все обойдется в конце концов. (с. 215)

I reck'n I could eat a hoss. I think I could. (p. 49) – Просто лошадь съел бы! Верно, съел бы. (с. 235)

I see a light a-comin' roun' de p'int, bymeby, so I wade in en shove' a log ahead o' me, en swum more' n half-way acrost de river, en got in 'mongst de drift-wood, en kep' my head down low, en kinder swum agin de current tell the raff come along. (p. 51) – Скоро, вижу, из-за поворота показался огонек. [...] Заплыл на середину реки, спрятался среди плывущих бревен, а голову держу пониже и гребу против течения – жду, пока плот подойдет. (с. 237)

3) осуществлялось членение предложений (как уже отмечалось выше, короткие предложения более свойственны русской разговорной речи):

I tuck out en shin down de hill en 'spec to steal a skift 'long de sho' som'ers 'bove de town, but dey wuz people a-stirrin' yit, so I hid in de old tumble-down coopershop on de bankto wait for everybody to go 'way. (p. 50) – Спустился я с горы; думаю, стяну лодку где-нибудь на реке выше города. Народ еще не спал, вот я и спрятался в старой бочарне на берегу и стал ждать, пока все разойдутся. (с. 237)

I see a light a-comin' roun' de p'int, bymeby, so I wade in en shove' a log ahead o' me, en swum more' n half-way acrost de river, en got in 'mongst de drift-wood, en kep' my head down low, en kinder swum agin de current tell the raff come along. (p. 51) – Скоро, вижу, из-за поворота показался огонек. Я бросился в воду и поплыл, а сам толкаю перед собой бревно. Заплыл на середину реки, спрятался среди плывущих бревен, а голову держу пониже и гребу против течения – жду, пока плот подойдет. (с. 237)

Перевод В. Ранцова на **лексико-фразеологическом уровне** также насыщен разговорными, просторечными и грубо-просторечными словами и выражениями. Например: *барыш*, *папаша*, *мешкать*, *перебиваться* (в значении *плохо жить*), *привалить*, *сновать*, *удрать*, *маленько*, *покуда*,

сейчас (в значении *сразу*), *частенько, ж* (вместо *же*), *быть на роду написано, не видать как своих ушей, не видать ни зги, дать стрекача, и так и сяк, ну, да* (вместо *но*), *чтоб* (вместо *чтобы*) и др.

На **уровне морфологии** компенсация осуществляется В. Ранцовым также с помощью неправильного, с точки зрения стандарта, употребления падежей местоимения *что*:

Say – who is you? Whar is you? (р. 14) – *Эй, да кто вы такие, чего вам нужно?* (с. 11)

I's gwyne to set down here and listen tell I hears it agin. (р. 14) – *Так погодите ж, я знаю, что мне делать: сяду здесь и буду прислушиваться, пока не услышу чего-нибудь!* (с. 11)

Если говорить о **синтаксическом уровне**, то переводчик иногда использует в своем переводе неполные предложения:

I reck'n I could eat a hoss. I think I could. (р. 49) – *Еще бы! Кажется, съел бы целую лошадь, право!* (с. 49) (при этом он делает это предложение восклицательным).

But I ain't gwyne to resk no mo' money in stock. (р. 54) – *Нет, не стану больше рисковать капиталами.* (с. 54)

Надо сказать, что В. Ранцов отошел от общепринятой практики передачи такого рода социального диалекта разговорной речью и сделал речь Джима литературной. Более того, сегодня создается впечатление, что его речь высоколитературна. Это связано с тем, что перевод представляется насыщенным архаизмами, такими, как: *барышня, околоток, сестрица, сердечный, издержать, сказывать* и др., хотя в то время, когда В. Ранцов работал над ним (конец XIX в.), эти слова вовсе не казались устаревшими.

But you got a gun, hain't you? (р. 49) – *Ах, впрочем, у вас ведь ружье.* (с. 48)

I reck'n I could eat a hoss. I think I could. (р. 49) – *Еще бы! Кажется, съел бы целую лошадь, право!* (с. 49)

But you got a gun? Oh, yes, you got a gun. Dat's good. (p. 49) – *Правда, ведь у вас ружье, – это чудесно.* (с. 49)

But you wouldn't tell on me ef I'uz to tell you, would you, Huck? (p. 50) – *Впрочем, ведь вы не донесете на меня, не так ли, Гек?* (с. 49)

Нам представляется, что выбранная В. Ранцовым стратегия при передаче негритянской речи не позволяет передать сниженность речи Джима – человека, согласно образу, созданному автором, безусловно, неграмотного, находящегося на низшей ступени социальной лестницы.

Тем не менее, переводчик, хотя и не так активно, как Н. Дарузес, применял прием компенсации, и из приведенных выше примеров можно сделать следующие выводы.

Во-первых, оба переводчика применяли данный прием в рамках одного высказывания на разных уровнях текста, иногда на нескольких (именно поэтому некоторые примеры в нашем анализе повторяются).

Во-вторых, Джим и в переводе Н. Дарузес, и в переводе В. Ранцова говорит все же на достаточно «нейтральном» языке и преимущественно правильно, с точки зрения стандарта русского языка, а в романе на языке оригинала, его речь, безусловно, далека от стандарта английского языка.

При анализе выбора переводческой стратегии при передаче негритянской речи нельзя не вспомнить о рассуждениях К. И. Чуковского в книге «Высокое искусство». Автор, в частности, рассматривает проблему передачи диалектов и просторечия, полагая, что она так и не получила своего разрешения ни в теории, ни на практике. Мы считаем целесообразным упомянуть об этом именно здесь, так как в качестве примера К. И. Чуковский приводит в том числе и перевод Н. Дарузес романа «Приключения Гекльберри Финна». Автор пишет о том, что, с одной стороны, безусловно, уйти от передачи диалектов – значит обеднить текст перевода по сравнению с текстом оригинала. Об этом же говорит и Е. Эткинд: «И вот зачастую бывает так: энергичная, ядреная речь, подслушанная писателем у жизни – на базаре, в пивной, на поле, в цехе, в

толпе демонстрантов или в роте солдат, – превращается в правильный, по всем словарям выверенный, но и мертвый литературный язык, лишенный импровизационной непосредственности. Язык вычитанный, а не подслушанный. Списанный, а не воссозданный. Язык вторичный, ничего не открывающий и ничем не способный удивить» (Е. Эткинд, 1963: 28).

Существует и другая точка зрения: «Джим в переводе Н. Дарузес вполне владеет интеллигентской, безукоризненно правильной речью, и советские читатели ничего не потеряли от этого» (К. И. Чуковский, 1988: 133). «Так и перевела «Гекльберри Финна» Н. Дарузес – чистейшим, правильным, нейтральным языком, не гонясь ни за какими жаргонами» (там же: 134). По мнению К. И. Чуковского (и мы полностью разделяем его точку зрения), переводчик должен находить золотую середину между этими двумя подходами. Также автор рекомендует больше обращаться к синтаксису: «У каждого из тех персонажей, которые так или иначе отступают от правильной лексики, почти всегда самый расхлябанный и хаотический синтаксис. И никто не может помешать переводчикам, не прибегая к искажению слов, воспроизвести в переводе те вывихи синтаксиса, которыми характеризуется внелитературная речь» (там же: 140). И хотя мы не наблюдаем отклонений от синтаксической нормы в речи героя из романа Марка Твена (или в речи персонажей анализируемых выше рассказов О. Генри), безусловно, мы также полагаем, что обращение к синтаксису необходимо для воспроизведения внелитературной речи.

Из приведенного выше анализа двух переводов можно сделать еще один вывод: оба переводчика в основном осуществляли прием контактной компенсации (т. е. в том же самом месте текста), а точнее прием контактной вертикальной компенсации (прием контактной горизонтальной компенсации ими не использовался). Дистантная компенсация ими не применялась.

Очень важным, по нашему мнению, является то, что при передаче социальных диалектов, которыми пользуются некие социальные группы,

компенсация осуществляется, как и в случае с территориальными диалектами, в основном на лексико-фразеологическом уровне, однако, очевидно, что чем качественнее перевод, тем больше в нем задействованы единицы других уровней. Об этом свидетельствуют и отрывки все приведенных выше переводов: чем богаче палитра способов применения метода компенсации, тем более полно в тексте перевода достигается коммуникативный эффект оригинала, т. е. компенсация приобретает целостный, тотальный характер.

ВЫВОДЫ

Маркированность территориальных и социальных диалектов невозможно передать в полном объеме; в первую очередь это касается территориальных диалектов: в большинстве случаев территориальный признак при переводе неизбежно оказывается полностью потерян. Что касается социальных диалектов, то передача их социального признака в полном объеме при переводе возможна только в том случае, если в языке перевода существует схожий по своей маркированности социальный диалект.

Между территориальными и социальными диалектами существует тесная связь (территориальные различия чаще всего сохраняются в речи малообразованных людей), и именно поэтому в переводе может делаться упор на социальный компонент диалекта, который заменяет его территориальный признак. Таким образом, все информативные потери в переводе, связанные с невозможностью воспроизвести территориальный признак диалекта, компенсируются другими способами указания на то, что найденные переводчиком эквиваленты не относятся к литературной норме.

В свете вышесказанного оптимальный способ передачи территориальных и социальных (но не профессиональных) диалектов – просторечие, понимаемое как одна из форм национального языка, наряду с

диалектной, жаргонной речью и литературным языком, характеризующаяся, в частности, ненормированностью речи и стилистической недифференцированностью.

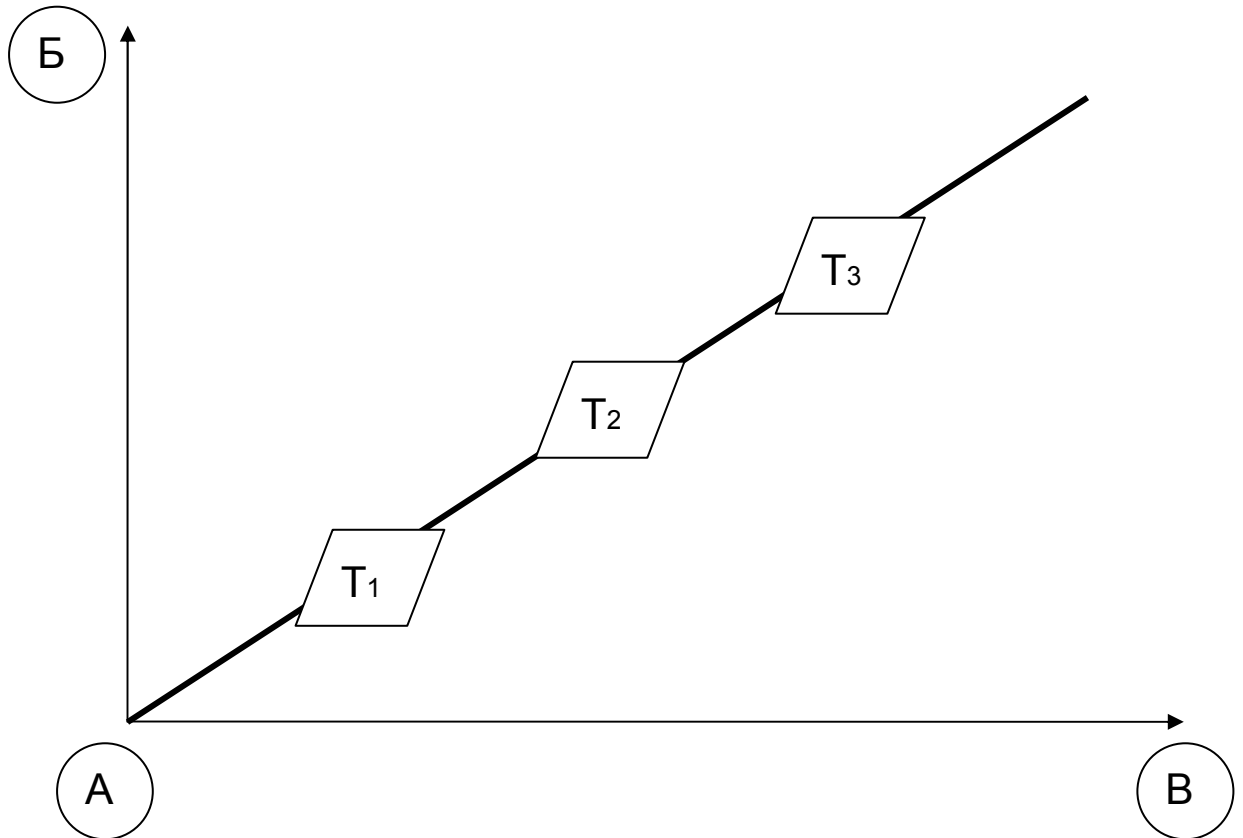
При передаче территориальных и социальных диалектов переводчики в разной степени используют разные виды компенсации. Наиболее часто встречающийся тип компенсации – контактная вертикальная. Случаи употребления в переводе дистантной компенсации (как горизонтальной, так и вертикальной) крайне редки.

Стилистическая адекватность при передаче стилистически сниженных высказываний достигается не только за счет компенсации на лексико-фразеологическом уровне, но и за счет компенсации на морфологическом и, особенно, синтаксическом уровнях. Фонологический уровень оказывается мало задействованным. Необходимый стилистический эффект текста оригинала воссоздается регулярным, а не разовым употреблением самых разных стилистически сниженных высказываний на самых разных уровнях текста. Компенсация, таким образом, приобретает целостный, системный характер и связана с осуществлением той или иной стратегии перевода. Выбор стратегии, в свою очередь, определяется преобладающей функцией стилистически сниженных высказываний в тексте оригинала.

Нами предлагается следующая схема, где ось А-Б – ось горизонтальной и вертикальной компенсации,

ось А-В – ось контактной и дистантной компенсации,

а Т₁, Т₂, Т₃ – варианты перевода:

При движении при движении от А к Б и от А к В, т. е. при повышении частотности вертикальной и дистантной компенсации (на схеме - движение по диагонали), форма оригинала меняется более существенно, но при этом может усиливаться органичность сочетания маркированных элементов: создается стилистический образ, определяющийся не столько способом организации маркированной речи, присущим ИЯ, сколько естественными законами построения этого типа речи в ПЯ, что – при сохранении семантического инварианта – позволяет создать адекватный аналог этого типа речи в переводе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования, можно сделать следующие выводы.

Высказывания, единицы которых или синтаксическое построение единиц которых не соответствует норме данного языка, (т. е. стандарту) и включающие элементы субстандарта, являются стилистически сниженными. Сниженность – многоплановое явление, затрагивающее все языковые уровни: фонологический, лексико-фразеологический, морфологический и синтаксический. Высказывания, составляющие единицы которых принадлежат к территориальным и социальным диалектам, будучи в оппозиции стандарту, также относятся к стилистически сниженным.

Территориальные диалекты реализуются на всех языковых уровнях: фонологическом, лексико-фразеологическом, морфологическом и синтаксическом. Специфика социальных диалектов состоит в том, что они преимущественно реализуются на лексико-фразеологическом уровне.

В художественной литературе стилистически сниженные высказывания, в том числе и высказывания, единицы которых принадлежат территориальному или социальному диалекту, находят свое отражение в тексте в обработанном виде, в зависимости от выполняемых ими в тексте функций.

Одним из основных способов, применяемых переводчиком для передачи стилистически сниженных высказываний, является прием компенсации. Компенсация может быть контактной и дистантной, а также горизонтальной и вертикальной. Компенсация может быть одновременно и контактной и горизонтальной, и контактной и вертикальной, и дистантной и горизонтальной, и дистантной и вертикальной.

Проведенный нами анализ показал, что маркеры территориальных и социальных диалектов в полном объеме передать невозможно. Особенно наглядно это проявляется при анализе проблемы передачи территориальных диалектов: формальный территориальный признак неизбежно оказывается потерянным. Невозможно передать в полном объеме и такой этнический социолект, как негритянский, в связи с тем, что в русском языке аналога ему не существует, а социальный признак можно полностью передать только в том случае, если в языке перевода существует схожий по своей маркированности социальный диалект.

Так как территориальные и социальные диалекты тесно связаны между собой (на территориальных диалектах чаще всего говорят люди, принадлежащие к низким слоям социальной иерархии), то в переводе возможно передавать исключительно социальный признак диалекта, заменяющий его территориальный признак. Так становится возможным компенсировать все потери при переводе, связанные с потерей территориального компонента.

Проведенный анализ также показал, что оптимальным способом передачи территориальных и социальных (но не профессиональных) диалектов является просторечие. Данная разновидность языка, так же, как и диалекты, находится в оппозиции к стандарту, и именно за счет использования просторечия и происходит компенсация потерь при передаче территориальных и социальных диалектов.

Переводчики в разной степени прибегают к использованию приема компенсации. Наиболее часто они применяют контактную вертикальную компенсацию и крайне редко – дистантную в целом (как горизонтальную, так и вертикальную). Вообще, необходимо отметить, что вертикальная компенсация используется переводчиками гораздо чаще, чем горизонтальная, за счет чего палитра применяемых ими средств для передачи стилистически

сниженных высказываний, составляющие единицы которых относятся к территориальным и социальным диалектам, оказывается богаче, чем она могла бы быть при использовании горизонтальной компенсации, так как задействуются несколько языковых уровней. При этом, как показывает анализ, практически незадействованным оказывается фонологический уровень. Это связано, по нашему мнению, с тем, что компенсация на этом уровне обычно не позволяет передать ни территориальный, ни социальный признак диалекта, а обычно свидетельствует только о специфической речи говорящего, не указывая на его территориальную или социальную принадлежность.

Именно за счет привлечения единиц разных языковых уровней достигается максимальная стилистическая адекватность текста перевода. Основной рекомендацией переводчикам, сталкивающимся с проблемой передачи стилистически сниженных высказываний, составляющие единицы которых относятся к территориальным и социальным диалектам, должно стать следующее: широко использовать прием компенсации при передаче такого рода высказываний, причем при его применении необходимо задействовать максимальное количество языковых уровней, т. е. использовать прием вертикальной компенсации. Применение такой стратегии, при изменении формы оригинала, помогает создать необходимый стилистический образ при сохранении семантического инварианта.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических факультетов высших учебных заведений. – СПб: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
2. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования), 2-е изд. – Л.: Просвещение, 1981. – 296 с.
3. Баранникова Л. И. О месте разговорной речи в функциональной парадигме русского языка//Функциональная стратификация языка/Отв. ред. М.М. Гухман. – М.: Наука, 1985. – с. 54-67.
4. Баранникова Л. И. Просторечие как особый социальный компонент языка//Язык и общество. Вып. 3. – Саратов: Саратовский гос. университет, 1974. – с. 3-17.
5. Барлас Л. Г. Об отношении разговорно-просторечной лексики к литературной норме//Вопросы лексики и фразеологии современного русского языка. – Р-н-Д.: Ростовский гос. университет, 1968. – с. 57-67.
6. Бархударов Л. С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975. – 239 с.
7. Бахтин М. М. Т. 5. Работы 1940-х-начала 1960-х годов/Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 7 т./РАН; Ин-т мир. лит. – М.: Русские словари, 1996. – 732 с.
8. Белошапкина В. А., Земская Е. А., Милославский И. Г., Панов М. В. Современный русский язык. – М.: Высшая школа, 1981. – 559 с.
9. Бельчиков Ю. А. Литературное просторечие и норма//Литературная норма в лексике и фразеологии. – М.: Наука, 1983. – с. 37-46.
10. Бельчиков Ю. А. Литературный язык//Русский язык. Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – с. 131-132.
11. Беляева Т. М., Хомяков В. А. Нестандартная лексика английского языка. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1985. – 136 с.

12. Берков В. П. Слово в двуязычном словаре. – Таллинн: Валгус, 1977. – 140 с.
13. Бойко Б. Л. Социальные варианты речи и «групповой язык»//Языки мира. Проблемы языковой вариативности. – М.: Наука, 1990. – с. 96-108.
14. Бондалетов В. Д. Молодежный жаргон. Что это? //Слово в словаре и дискурсе: Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. – М.: ООО «Издательство “Элпис”», 2006. – с. 46-50.
15. Бондалетов В. Д. Социально-экономические предпосылки отмирания условно-профессиональных языков и основные закономерности этого процесса//Вопросы соц. Лингвистики. – Л.: Наука, 1965. – с. 398-416.
16. Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика: Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Русский язык и литература». – М.: Просвещение, 1987. – 159 с.
17. Брандес М. П. Стиль и перевод (на материале немецкого языка): Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1988. – 127 с.
18. Бреева Л. В., Бутенко А. А. Лексико-стилистические трансформации при переводе. -- <http://www.belpaese2000.narod.ru/Trad/trasform01.htm>
19. Бурдин Л. С. Словарная помета slang и ее толкование в современной англистике//Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – М.: МГУ, 1968. – с. 67-79.
20. Ванников Ю. В. Проблемы адекватности перевода. Типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности//Текст и перевод. – М.: Наука, 1988. – с. 34-39.
21. Вейхман Г. А. О стилистической классификации современного английского языка//Филологические науки. – 1958. – № 4. – с. 104-108.
22. Виноградов В. В. Лексические вопросы перевода художественной прозы. – М.: Издательство Московского университета, 1978. – 172 с.
23. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. – М.: Издательство художественной литературы, 1959. – 655 с.

24. Виноградов В. С. Перевод: Общие и лексические вопросы: Учебное пособие. – 2-е изд., перераб. – М.: КДУ, 2004. – 240 с.
25. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. – М.: Наука, 1980. – 238 с.
26. Винокур Т. Г. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи//Развитие функциональных стилей современного русского языка. – М.: Наука, 1968. – с. 12-60.
27. Винокур Т. Г. Употребление языка как основной предмет стилистики//Стилистика русского языка. Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. – М.: Наука, 1987. – с. 5-71.
28. Винокур Т. Г. Функции и социальная характеристика стилистических свойств высказывания в современном русском языке//Социальная и функциональная дифференциация языков. – М.: Наука, 1977. – с. 299-321.
29. Винокуров А. М. Словообразование в территориальных вариантах и диалектах современного английского языка. – Калинин: Калининский гос. университет, 1988. – 84 с.
30. Владер И. М. К вопросу о лексико-стилистической дифференциации словарного состава современного английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1963. – 272 с.
31. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Высшая школа, 1986. – 416 с.
32. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – 232 с.
33. Высоцкая Н. А. Деятельность афро-американских драматургов в рамках федеральных театров: социальный протест или игра «двойных смыслов»? – http://www.amstud.msu.ru/full_text/texts/conf3/19_visoc.htm
34. Гальперин И. Р. О термине «сленг»//Вопросы языкознания. – 1956. – №6. – с. 107-114.
35. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1958. – 459 с.

36. Гарбовский Н. К. Теория перевода: Учебник. – М.: Изд-во Московского университета, 2004. – 544 с.
37. Головин Б. Н. Вопросы социальной дифференциации языка//Вопросы социальной лингвистики. – Л.: Наука, 1965. – с. 343-355.
38. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. – 4-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 448 с.
39. Горбачевич К. С. Вариативность слова и языковая норма: на материале современного русского языка. – Л.: Наука, 1978. – 327 с.
40. Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка. – Л.: Просвещение, 1971. – 270 с.
41. Горецкий Я. О теории литературного языка//Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX. – М.: Прогресс, 1988. – с. 212-219.
42. Горшкова К. В. Диалект//Русский язык. Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – с. 70.
43. Гришина О. Н. Экспрессивность и проблема идентификации языковых стилей// Сб. научн. трудов/ МГПИИЯ, 1987. Вып.309. – с.16-22.
44. Гухман М. М. Соотношение социальной дифференциации и других типов варьирования литературного языка//Социальная и функциональная дифференциация языков. – М.: Наука, 1977. – с. 41-60.
45. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. – М.: Международные отношения, 1979. – 256 с.
46. Джеймс К. Контрастивный анализ//Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXV. – М.: Прогресс, 1989. – с. 205-306.
47. Егер Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность//Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – с. 137-156.
48. Ерофеева Т. И. Социолект: стратификационное исследование: Автореф. дисс. ... д-ра филолог. наук. – СПб, 1995. – 48 с.
49. Жирмунский В. М. Проблемы социальной диалектологии//Известия АН СССР, сер. лит. и яз., 1964, т. 23, вып. 2. – с. 99-111.

50. Жирмунский В. М. Проблемы социальной дифференциации языков// Язык и общество. – М.: Наука, 1969. – с. 22-38.
51. Земская Е. А. Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы обучения. – М.: Наука, 1979. – 239 с.
52. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы, словообразование, синтаксис. – М.: Наука, 1981. – 276 с.
53. Карасик В. И. Язык социального статуса. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.
54. Ковалева К. И. Оригинал и перевод: два лица одного текста. – М.: Всероссийский центр переводов научно-технической литературы и документации, 2001. – 100 с.
55. Коготкова Т. С. Роль просторечия в процессах освоения говорами лексики литературного языка//Литературная норма и просторечие. – М.: Наука, 1977. – с. 58-76.
56. Комиссаров В. Н. Лингвистическое переводоведение в России. Учебное пособие. – М.: ЭТС, 2002. – 184 с.
57. Комиссаров В. Н. Слово о переводе. – М.: Международные отношения, 1973. – 215 с.
58. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Курс лекций. – М.: ЭТС, 2000. – 192с.
59. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. – М.: ЭТС. – 2002. – 424 с.
60. Крупнов В. Н. В творческой лаборатории переводчика. – М.: Международные отношения, 1976. – 192 с.
61. Крысин Л. П. Речевое общение в социально неоднородной среде//Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация/Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – с. 367-374.

62. Крысин Л. П. Социальная маркированность языковых единиц//Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация/Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – с. 79-100.
63. Крысин Л. П. Формы существования (подсистемы) русского национального языка//Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация/Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – с. 33-77.
64. Кудрявцева Л. А., Гордиенко В. А. Общий сленг в русском языке и критерии его выделения//Слово в словаре и дискурсе: Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. – М.: ООО «Издательство “Элпис”», 2006. – с. 278-285.
65. Кэтфорд Д. Лингвистическая теория перевода: Об одном аспекте прикладной лингвистики. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 208 с.
66. Кэтфорд Д. Лингвистическая теория перевода//Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – с. 91-114.
67. Ланчиков В. К. Коммуникативный статус субстандартной лексики. Сопоставительное исследование на материале русского и английского языков: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1992. – 216 с.
68. Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 400 с.
69. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. Избранные работы. – М.: Просвещение, 1977. – 222 с.
70. Латышев Л. К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы ее достижения). – М.: Международные отношения, 1981. – 248 с.
71. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания: Учебное пособие для студентов переводческих факультетов высших учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 192 с.

72. Липатов А. Т. Русский сленг в его соотнесенности с семантико-понятийной дихотомией «арго-жаргон»//Слово в словаре и дискурсе: Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. – М.: ООО «Издательство “Элпис”», 2006. – с. 300-317.
73. Литературная норма в лексике и фразеологии/Отв. редактор Л. И. Скворцов. – М.: Наука, 1983. – 263 с.
74. Литературная норма и просторечие/Отв. редактор Л. И. Скворцов. – М.: Наука, 1977. – 256 с.
75. Лихачев Д. С. Арготические слова профессиональной речи//Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1964. – с. 311-359.
76. Любимов Н. М. Заметки о художественном переводе. – <http://www.thinkaloud.ru/featurelr.html>
77. Макдэвид Р. И. Диалектные и социальные различия в городском обществе//Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. – М.: Прогресс, 1975. – с. 363-381.
78. Маковский М. М. Английские социальные диалекты (онтология, структура, этимология). – М.: Высшая школа, 1982. – 136 с.
79. Матезиус В. Язык и стиль//Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – с. 31-44.
80. Мико Ф. Характер разговорности и разговорного стиля//Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX. – М.: Прогресс, 1988. – с. 232-242.
81. Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. – М.: Воениздат, 1980. – 237 с.
82. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. – М.: Московский лицей, 1996. – 208 с.
83. Миськевич Г. И. Наблюдения над новыми словами//Литературная норма и просторечие. – М.: Наука, 1977. – с. 112-117.
84. Наер В. Л. К описанию функционально-стилистической системы современного английского языка. Вопросы дифференциации и

- интеграции//Лингвостилистические особенности научного текста. – М.: Наука, 1981. – с. 3-13.
85. Найда Ю. К науке переводить//Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – с. 114-137.
86. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 9. Лингвостилистика. – М.: Прогресс, 1980. – 430 с.
87. Нойберт А. Прагматические проблемы перевода//Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – с. 185-202.
88. Орлов Г. А. Современная английская речь: Учебное пособие для вузов по специальности «Английский язык и литература». – М.: Высшая школа, 1991. – 240 с.
89. Петрищева Е. Ф. Внелитературная лексика как категория стилистическая//Вопросы языкознания. – 1981. – №3. – с. 60-70.
90. Петрищева Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. – М.: Наука, 1984. – 222 с.
91. Подберезкина Л. З. «Корпоративный язык» в аспекте социальной дифференциации языка (к вопросу о термине)//Слово в словаре и дискурсе: Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. – М.: ООО «Издательство “Элпис”», 2006. – с. 139-150.
92. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. Избранные работы. – М.: Наука, 1968б. – 376 с.
93. Попович А. Проблемы художественного перевода/Благовещенский Гуманитарный Колледж им. И. А. Бодуэна де Куртене. – Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртене, 2000. – 198 с.
94. Прокопович С. С. Адекватный перевод художественной прозы: возможен ли он?//Тетради переводчика. Вып.15. – М.: Международные отношения, 1978. – с. 75-81.

95. Райс К. Классификация текстов и методы перевода//Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – с. 202-228.
96. Райт-Ковалева Р. Я. Нить Ариадны//Мосты. Журнал для переводчиков. – 2007. – №3 (15). – с. 3-14.
97. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика. Под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 312 с.
98. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика. Под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.
99. Рецкер Я. И. Плагиат или самостоятельный перевод? (об одной судебной экспертизе)//Мосты. Журнал для переводчиков. – 2004. – №2. – с. 39-52.
100. Рецкер Я. И. Теория и практика перевода английского языка на русский язык. Краткий курс лекций для заочного обучения. – М., 1956. – 122 с.
101. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода/Дополнения и комментарии Д. И. Ермоловича. – М.: «Р. Валент», 2004. – 240 с.
102. Рипка И. Место диалектов в совокупности образований национального языка//Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XX. – М.: Прогресс, 1988. – с. 253-259.
103. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. – М.: Издательство «Высшая школа», 1968. – 416 с.
104. Розина Р. И. Американский слэнг XX в. в аспекте перевода//Тетради переводчика. Вып. 14. – М.: Международные отношения, 1977. – с. 36-45.
105. Розина Р. И. Социальная маркированность в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1977. – 201 с.
106. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М.: Наука, 1983. – 240 с.

107. Русские писатели о переводе. XVIII-XX в./под ред. Ю.Д. Левина и А.В. Федорова. Введенский-переводчик. Принципы перевода – Л.: Советский писатель, 1960. – 696 с.
108. Саляев В. А. Два источника и две составные части русского сленга//Социальные варианты языка. – Нижний Новгород, 2002.
109. Сдобников В. В. Основные проблемы передачи английского лексического просторечия в переводе//Сб. научн.трудов/Моск. орд. Дружбы народов государственный лингвистический университет, 1991. Вып.373. – с.87-95.
110. Сдобников В. В. Проблемы передачи функций стилистически сниженной лексики в переводе художественного текста: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1992. – 238 с.
111. Семенюк Н. Н. Норма//Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М.: Наука, 1970. – с. 549-596.
112. Серебренников Б. А. Территориальная и функциональная дифференциация языка//Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М.: Наука, 1970. – с. 452-501.
113. Сиротинина О. Б. Порядок слов в русском языке. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 172 с.
114. Скворцов Л. И. Арго//Русский язык. Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – с. 23-24.
115. Скворцов Л. И. Жаргон//Русский язык. Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – с. 82-83.
116. Скворцов Л. И. Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии//Литературная норма и просторечие. – М.: Наука, 1977. – с. 29-57.
117. Скворцов Л. И. Орфография просторечных и жаргонных слов//Нерешенные вопросы русского правописания. – М.: Наука, 1974. – с. 86-97.

118. Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. – Саратов: Саратовский гос. университет, 1985. – 210 с.
119. Смирницкий А. А. Лексикология английского языка. – М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1956. – 260 с.
120. Соловьева Т. А. К проблеме сленга//Вопросы лексикологии английского, французского и немецкого языков. Учен. зап. Ивановского гос. пед. ин-та. Т. 27. – Иваново, 1961. – с. 109-127.
121. Социальная и функциональная дифференциация языков/Отв. ред. В. Н. Ярцева, М. М. Гухман. – М.: Наука, 1977. – 342 с.
122. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. – М.: Высшая школа, 1975. – 271 с.
123. Стилистика и литературное редактирование/Под ред. проф. В. И. Максимова. – М.: Гардарики, 2005. – 651 с.
124. Стилистика русского языка, жанрово-коммуникативные аспекты стилистики текста/Отв. ред. А. Н. Кожин. – М.: Наука, 1987. – 238 с.
125. Стойков Ст. Социальные диалекты//Вопросы языкознания. – 1957. – №1. – с. 78-84.
126. Ступин Л. П. Проблема нормативности в истории английской лексикографии XV- XX вв. – Л.: ЛГУ, 1979. – 164 с.
127. Текст и перевод/Отв. ред. А. Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 166 с.
128. Тюленев С. В. Теория перевода: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2004. – 336 с.
129. Успенский Л. В. Материалы по языку русских летчиков//Язык и мышление. Т. 6-7. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – с. 161-217.
130. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. – М.: Высшая школа, 1983. – 303 с.
131. Федоров А. В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. – М.: Издательство «Высшая школа», 1971. – 196 с.
132. Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 294 с.

133. Филин Ф. П. К вопросу о так называемой диалектной основе социальных диалектов русского национального языка//Вопросы образования восточнославянских национальных языков. – М.: Наука, 1962. – с. 26-35.
134. Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. – М.: Наука, 1975. – 319 с.
135. Филин Ф. П. О просторечном и разговорном в литературном языке//Филологические науки. – 1979. – №2. – с. 28-40.
136. Флорин С. Муки переводческие: Практика перевода. – М.: Высшая школа, 1983. – 184 с.
137. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. – М.: Высшая школа, 1983. – 335 с.
138. Хлоупек Я. О социальной и территориальной дифференциации чешского языка//Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX. – М.: Прогресс, 1988. – с. 158-172.
139. Хомяков В. А. Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия. – Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1971. – 104 с.
140. Хомяков В. А. Структурно-семантические и социально-стилистические особенности английского экспрессивного просторечия. – Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1974. – 104 с.
141. Хомяков В. А. Три лекции о сленге. Пособие для студентов англ. отделения по спецкурсу «Нелитературная лексика и фразеология в современном английском языке». – Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1970. – 64 с.
142. Хоружий С. Комментарии к роману Дж. Джойса «Улисс»//Джойс Дж. Улисс: Роман. – М.: Республика, 1993. – 671 с.
143. Цвиллинг М. Я. Функциональный стиль, подъязык, социальный диалект. К вопросу о соотношении понятий//Общие и частные проблемы исследования функциональных стилей. – М.: Наука, 1986. – стр. 5-29.

144. Циркунова С. А. Использование приема компенсации при переводе игры слов//Перевод: традиции и современные технологии (Сборник статей)/Под ред. И. И. Убина. – М.: Всероссийский центр переводов научно-технической литературы и документации, 2002. – с. 32-41.
145. Чуковский К. И. Высокое искусство. – М.: Советский писатель, 1988. – 352 с.
146. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: Азбуковник, 2003. – 378 с.
147. Швейцер А. Д. Взаимодействие литературного языка с субстандартной разговорной лексикой в современном английском языке//Устные формы литературного языка. История и современность/Под ред. В. Я. Порхомовского и Н. Н. Семенюк. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – с. 29-46.
148. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. – М.: Воениздат, 1973. – 280 с.
149. Швейцер А. Д. Современная социалингвистика: теория, проблемы, методы. – М.: Издательство «Наука», 1977. – 176 с.
150. Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США. – М.: Наука, 1983. – 216 с.
151. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
152. Ярцева В. Н. О территориальной основе социальных диалектов//Норма и социальная дифференциация языка. – М.: Наука, 1969. – с. 26-46.
153. Leech G. N., Short M. H. Style in Fiction – A Linguistic Introduction to English Fictional Prose. – N.Y.: Longman London and New York, 1983. – 402 p.
154. Nida E. A. Toward a science of translating. – Leiden, 1964.
155. Nunberg G. The Way We Talk Now. – Boston, N.Y.: Houghton Mifflin Company, 2001. – 244 p.
156. Partridge E. Eric Partridge in his own words. – Lnd.: Andre Deutsch, 1980. – 251 p.

157. Partridge E. Slang today and yesterday. – Lnd.: Routledge and Kegan Paul, 1979. – ix, 476 p.
158. Quirk R. The English Language and images of matter. – Lnd.: Oxford University Press, 1972. – 136 p.
159. Quirk R. The Use of English. – Lnd.: Longman, 1968. – viii, 370 p.
160. Sanchez M. T. Translation as a(n) (Im)possible Task. Dialect in Literature//Babel 45. – Federation Internationale des Traducteurs (FIT). Revue Babel, 1999. – p. 301-310.
161. Smitherman G. A New Way of Talkin': Language, Social Change and Political Theory//Exploitation and Exclusion: Race and Class in Contemporary US Society. – Lnd., Melbourne, Munich, N.Y.: Hans Zell Publishers, 1991. – p.66-83.
162. Soudek L. Structure of substandard words in British and American English. – Bratislava: Slovenska akad. vied., 1967. – 228 p.
163. Usborne R. Wodehouse at work to the end. – Lnd.: Penguin Books, 1978. – 267 p.
164. Waard Jan de, Nida E. A. From One Language to Another/Functional Equivalence in Bible Tranlating. – Nashville – Camdon – N.Y.: Thomas Nelson Publishers, 1986. – 224 p.
165. White J. E. Ebonics According to Buckweat. – Time, January 13, 1997. – p. 49.
166. Wolfram W. Black Children are Verbally Deprived//Language Myths. – Lnd.: Penguin Books, 1998. – p. 103-112.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1966. – 608 с.
2. Большой англо-русский словарь: В 2т./Под общ. рук. И.Р. Гальперина и Э.М. Медниковой. – М.: Русский язык, 1987.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – 2005. – www.lingvo.ru
5. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь: Около 20000 фразеологических единиц. – 5-е изд., испр. – М.: Живой язык, 1998. – 944 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь/Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1990. – 685 с.
7. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 320 с.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1953. – 848 с.
9. Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии/Пер. и доп. В. В. Иванова; Под ред. и с пред. В. А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 1964. – 264 с.
10. Collins English Dictionary. – Lnd.: HarperCollins Publishers, 2006. – 1468 p.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Байет А. Обладать. Романтический роман/пер. В. Ланчикова и Д. Псурцева. – М.: Гелеос, 2004 – 656 с.
2. Лоуренс Д. Г. Любовник леди Чаттерли: Роман/пер. И. Багрова и М. Литвиновой. – М.: ООО «Издательство «Росмэн-Пресс», 2001. – 478 с.
3. Лоуренс Д. Г. Любовник леди Чаттерлей/пер. Т. Лещенко-Сухомлиной. – Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 384 с.
4. Лоуренс Д. Г. Любовник леди Чаттерлей/пер. В. Чухно//Лоуренс Д. Г. Любовник леди Чаттерлей: Роман, рассказы. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – с. 13-408.
5. О. Генри. Джефф Питерс как персональный магнит/пер. К. Чуковского//О. Генри. Полное собрание рассказов: В 3 т. – Т. 2. – Екатеринбург: «У-фактория», 2006. – с. 165-172.
6. О. Генри. Игра в наперстки/пер. С. Лихачевой//О. Генри. Полное собрание рассказов: В 3 т. – Т. 2. – Екатеринбург: «У-фактория», 2006. – с. 590-604.
7. О. Генри. Муниципальный отчет/пер. И. Кашкина//О. Генри. Полное собрание рассказов: В 3 т. – Т. 3. – Екатеринбург: «У-фактория», 2006. – с. 89-106.
8. По Э. Почему французик носит руку на перевязи/пер. И. Бернштейн//По Э. Гротески и арабески. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. – с. 246-250.
9. Твен М. Приключения Гекльберри Финна/пер. Н. Дарузес//Твен М. Приключения Тома Сойера. Приключения Гекльберри Финна. Рассказы. – М.: Издательство «Художественная литература», 1971. – с. 197-446.
10. Твен М. Приключения Гекльберри Финна/пер. В. Ранцова//Твен М. Собрание сочинений: В 18 т. Т. 11: Приключения Гекльберри Финна. Рассказы. – М.: Terra-Книжный клуб; Литература, 2002. – с. 5-308.

11. Шарп Т. Альтернатива Уилта/пер. А. Сафронова. – М.: Эксмо, 2004. – 212 с.
12. Шарп Т. Уилт непредсказуемый/пер. А. Гладкого и В. Гусева//Шарп Т. Уилт. – М.: Эксмо, 2002. – с. 254-461.
13. Wyatt A. S. Possession. A Romance. – N.Y.: 1st Vintage International, 1991. – 558 p.
14. Lawrence D. H. Lady Chatterley's Lover. – М.: Юпитер-Интер, 2003. – 288 с.
15. O. Henry. A Municipal Report//O. Henry. Selected stories. – М.: Progress Publishers, 1977. – p. 236-252.
16. O. Henry. Jeff Peters as a Personal Magnet//O. Henry. Selected Stories. – М.: Progress Publishers, 1977. – p. 87-94.
17. O. Henry. Thimble, Thimble//O. Henry. 100 Selected Stories. – Herefordshire: Wordsworth Editions Ltd., 1995. – p. 370-379.
18. Poe E. A. Why the Little Frenchman Wears His Hand in a Sling//The complete tales and poems of Edgar Allan Poe. – N.Y.: Vintage Books, 1975. – p. 154-159.
19. Twain M. The Adventures of Huckleberry Finn. – Lnd.: Penguin Books, 1994. – 288 p.